

Отдѣльные нумера въ СПб. и въ провинціи 5 коп.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи:

На годъ . . . 2 руб. 50 к. | На 3 мѣсяца . . . 65 коп.

На полгода . . . 1 руб. 25 к. | На 1 мѣсяць . . . 25 коп.

Объявленія на страницахъ обложки:

на 2-й—1 р. 50 к., на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ

дополнительныхъ 60 к. за строку непарейли.

Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
Отдѣленіе Конторы: При Невскомъ Отдѣленіи „Виржевыхъ
Вѣдомостей“ Невскій пр., 50 (уголъ Садовой).

№ 38

Суббота, 18 сентября (1 октября) 1910 г.

№ 38

Въ международномъ политическомъ клубѣ.

Карикатура Пьер-О.

Идетъ азартная игра. Въ преферансъ балканскихъ государствъ хочетъ принять участіе и Греція. Къ этому столу русскій и французъ несутъ свои блюда. Бриджъ между турномъ и румыномъ. Объ ихъ угощеніи заботятся пруссаки и австріецъ. Итальянецъ раздумываетъ, съ кѣмъ сыграть. Американецъ и японецъ усердно приглашаютъ сыграть китайца, но не втроемъ, а вдвоемъ...

Экспоненты 1-й Всероссийской выставки молочного скота в Михайловском манежѣ в С.-Петербурѣ:

Первая в Россіи молочная ферма чистокровных швейцарскихъ бѣлыхъ безрогихъ зааннентальскихъ козъ
Ф. Ф. ШОЛЬЦЪ и В. А. ЛУЧИНСКІЙ

С.-Петербургъ, Петергофское шоссе, № 8.

МОЛОКО ШВЕЙЦАРСКИХЪ КОЗЪ

„ДѢТСКОЕ ЦѢЛЕБНОЕ“ очень вкусное абсолютно неимѣющее запаха, присущаго простымъ козамъ. Золотая медаль в 1908 г. на 2-ой гигиенической выставкѣ в С.-Петербурѣ.
Доставка молока на домъ, прокатъ козъ на лѣто.

ЛѢСНАЯ ФЕРМА Ю. Ю. Бенуа.

КОНТОРА: С.-Петербургъ, Моховая, 18. Телеф. 33—66.

Въ доильномъ павильонѣ можно осматривать скотъ, устройство молочной, модель коровника, планы, таблицы и фотографіи всего хозяйства фермы.

Ферма находится за политехникумъ 1 вер. Телеф. 45—79.

Сельско-хозяйственное Товарищество

ПРИ СѢВЕРНОМЪ СЕЛЬСКО-ХОЗ. ОБЩЕСТВѢ

С.-Петербургъ, улица Жуковскаго 4. ☙ Телефонъ № 420-51.

КОНЦЕНТРИРОВАННЫЕ КОРМА: отруби пшеничныя, ржанья, пивная дробина, солодовая пыль, жмыхи подсолнечные, льняные и кокосовые, овесъ кормовой, соль Бузунъ и лизунецъ, сѣно, солома, торфъ на подстилку и пр.

Мыло — катехо-креолиновое лучшее дезинфекціонное средство.

Молочная посуда и все сельско-хоз. машины. Сѣмена всехъ яровыхъ хлѣбовъ, — яровыхъ и озимыхъ; комиссіонная продажа всехъ продуктовъ с.-х. Паи Товарищества 110 руб. и 10 руб. вступительныхъ

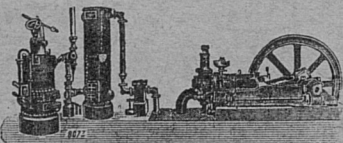
НАИВЫСШАЯ ЭКОНОМІЯ

Въ ходу 95,500 двигат. отъ 1-2000 с. общ. мощн. 875,000 л. с. 410 перв. наградъ, 46 лѣтъ опыта.

ДОСТИГАЕТСЯ въ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННО И НАДЕЖНО ТОЛЬКО НАСТОЯЩИМИ ДВИГАТЕЛЯМИ

ОТТО-ДЕЙТЦЪ

газовас. нефт. и проч. извѣстной солидной установки. Выпущена новая модель для средняго хозяйства поразительной простоты и доступности въ цѣнѣ. Маш. и станки для обработки дерева зав. Э. Кисслингъ и №. Требуется списокъ № 622. Инжен. уполном. зав. „Отто Дейтцъ“ **КАРЛЪ ВИНАНДЪ**, С.-Петербургъ, Большая Конюшенная улица, № 12. Собственные склады въ МОСКВѢ, ОДЕССѢ и ОМСКѢ.

ЛЮБАНСКАЯ ФЕРМА

В. И. Котляревскаго,

бывш. ГУБАНИЦЫ,

ДОСТАВЛЯЕТЪ ВО ВСѢ ЧАСТИ ГОРОДА.

МОЛОКО цѣльное 10 коп. бут. дѣтское 12 коп. бут.

Содержаніе жира около 4%. Коровы подъ наблюдениемъ ветеринараго врача. ✱ ПОСУДА МОЕТСЯ КИПАЧЕНОЮ ВОДОЮ.

СПБ., Фонтанка, 103, телеф. 420-41.

ПЕРЕНОСНАЯ КУХНЯ

„МАРСЪ“

ОТЪ 6 до 29 ВЕДЕРЪ ЕМКОСТИ. НЕЗАМѢНИМА ДЛЯ ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЕЙ, АРТЕЛЕЙ, ИМѢНИИ и проч. ДАЕТЪ ЭКОНОМИИ 50% ВЪ ТОПЛИВѢ. ВОДА КИПИТЬ ЧЕРЕЗЪ 30—40 МИНУТЪ. ПИЩА ГОТОВИТСЯ ЧЕРЕЗЪ 3—4 ЧАСА.

ПОДРОБНОСТИ УЗНАТЬ У

ОТТО ТАЙВАЛАНТЪ.

С.-Петербургъ, Симбирская улица, 45. ☙ Телефонъ № 19—15.

ПРОСТОКВАША
по мечникову
Спб., Казанская ул., 44.
Телеф. 469-44.

ПОМОГАЕТЪ
ПРОТИВЪ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ ЗАБОЛѢВАНІЙ, СКЛЕРОЗА и ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СТАРОСТИ.

Для больныхъ рекомендуемъ ТЯГУЧУЮ

ПРОСТОКВАШУ

сильно дѣйствующую. Мѣсячный абонементъ на 30 банокъ съ доставкой—4 р. 50 к.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ЯГУРТЪ“.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

НЕ ТРЕБУЕТСЯ НИКАКИХЪ ПОЗНАНІЙ.

Популярныя руководства, заслужившія массу лестныхъ отзывовъ:

1. Прост. устр. домашн. долговѣчн. ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ для спаленъ, уборныхъ, кладовъ, сѣновал. и т. п. Выс. за 60 к.; съ нал. плат. 75 к.
2. Изготовл. домашн. способ. ЭЛЕКТРИЧ. АККУМУЛЯТОРОВЪ карман. и переносн., уходъ за ними, зарядка и пр. Выс. за 50 к.; съ нал. плат. 65 к.
3. Домашн. изготов. ЭЛЕКТРИЧ. БАТАРЕЕКЪ для карман. фонарей. Изгот. батарей обходится не дороже 3—5 к. Выс. за 40 к.; съ нал. плат. 55 к.
4. Собственноруч. установ. ТЕЛЕФОНОВЪ и ЭЛЕКТРИЧ. ЗВОНКОВЪ, устан. сигнализаци отъ воровъ, пожара и пр. Выс. за 60 к.; съ нал. плат. 75 к.

Всѣ 4 руковод. высыл. за 1 р. 85 к.; съ налож. плат. 2 р.

Адрес: **М. А. БОГОЛЪПОВУ**, Москва, Б. Козихинскій пер., д. 4—6.

Врачебная практика в клиникѣ при Вюрцбургскомъ университетѣ — одномъ изъ значительнѣйшихъ научныхъ институтовъ Германіи — дала слѣдующіе результаты

«Натуральная горькая вода источника Франца-Иосифа дѣйствуетъ какъ вѣрное слабительное, не являясь, однако, причиной какихъ-либо болѣзненныхъ ощущеній. Примѣняемая въ случаяхъ даже легкой раздражаемости кишекъ, въ особенности — при воспаленіи слѣпой кишки, цѣлебная вода Франца-Иосифа вызываетъ безболѣзненное испражненіе.»

Требуйте въ аптекахъ и аптечныхъ складахъ настоящую горькую воду Франца-Иосифа и остерегайтесь въ высшей степени вредныхъ слабительныхъ препаратовъ, имѣющихся въ продажѣ въ большомъ количествѣ.

ПРИ ЭТОМЪ НОМЕРЪ ПРИЛАГАЕТСЯ ПЛАКАТЪ О МЫЛѢ «НЕСТОРЪ» НЕВСКАГО СТЕАРИНОВАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
Художественно-Литературный
Журналъ

Огонекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ перес. въ Россіи:
 На годъ . . . 2 руб. 50 к. На 3 мѣсяца . . . 65 коп.
 На полгода . . . 1 руб. 25 к. На 1 мѣсяць . . . 25 коп.

Объявленія на страницахъ обложки:
 на 2-й—1 р. 50 к., на 3-й и 4-й—1 р.; на страницахъ
 допозднительныхъ 60 к. за строку непаредля.

Главная Контора и Редація: С.-Петербургъ, Галерная, 40.
 Отдѣленіе Конторы: При Невскомъ Отдѣленіи „Биржевыхъ
 Вѣдомостей“ Невскій пр., 50 (уголь Садовой).

Высочайшее пребываніе въ Фридбергѣ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ въ Наугеймѣ.

Отбытіе Его Величества Государя Императора съ Августѣйшими Дѣтьми изъ придворной церкви въ Гомбургѣ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ изволятъ пить кофе въ саду дворца въ Мюнценбергѣ.

КУМИРЬ ПОВЕРЖЕННЫЙ.

(Изъ «Книги разбитыхъ иллюзий»).

Посвящается А. Э. Понсилусь.

Н. Н. Брешко-Брешковского.

Перепечатывать не разрешается.

1.

В

ы говорите, любовь? Да, любовь... Кто же возразит! Она дѣлаетъ жизнь богаче и прекраснѣй. Какія мечты, какіе восторги! Но не дай Богъ отдаться чувству всѣми помыслами, всѣми нервами, всѣмъ существомъ своимъ! Не дай Богъ вѣрить, поэтизировать, молиться...

Сторишь — и пепла не останется. Ничего! вмѣсто жертвеннаго огня, который пылалъ такъ ярко и страстно, который обѣивалъ своимъ ароматнымъ курениемъ стройныя бѣломраморныя ноги красавицы-богини, вмѣсто него — жалкая горсточка грязно-сѣрой золы... Дунь, — она и разлетится по воздуху... А вмѣсто богини — разбитый кумирь, хаосъ нагроможденныхъ обломковъ. И тамъ, гдѣ были строгія правильныя черты, вызывавшія нѣмой благоговѣйный экстазъ, — тамъ улыбается какаля-то отвратительная гримаса...

Бррр.— Даже холодъ деретъ по кожѣ. Вы говорите—любовь. Вглядитесь въ меня повнимательнѣй. Вглядитесь! Передъ вами горсточка золы... А вѣдь я горѣлъ, видѣлъ Богъ, какъ горѣлъ. Да что, — пылалъ такимъ пламенемъ, — казалось, оно способно было зажечь небеса! И вотъ сгорѣлъ... Когда я вамъ расскажу, вы назовете меня осломъ, романтикомъ. А если вы человѣкъ болѣе тонкій и чуткій, то, можетъ быть, и не назовете...

Итакъ, передъ вами горсточка золы. Мнѣ тридцать четвертый годъ, но многіе даютъ сорокъ пять и больше. Подобуйтесь на мой фиолетовый носъ. А вѣдь онъ былъ блѣдный и тонкій и нравился женщинамъ.

Какой-то городовой, протоняя меня отъ «монополюшки», презрительно буркнулъ сквозь зубы:

— У, мразь...

А я задабривающе посмотрѣлъ на него съ улыбкой прибитой собаки. Во мнѣ даже не было возмущенія. Мразь... Но какъ же назвать субъекта, не бригаго, въ продавленномъ котелкѣ допотопнаго фасона, въ какомъ-то засаленномъ пальто поверхъ грязной рубашки? На ногахъ прионелевые дамскіе ботинки съ кривыми каблучками, треснувшіе повсюду, гдѣ только они могли треснуть. Конечно, мразь. Случалось, меня били. Со злобой, но тупой, холодной безъ вспышки... Такъ быютъ смиренныхъ, не скандалающихъ пьяницъ. За то, что они пьянствуютъ и можно ихъ безнаказанно бить. Да, полюбуйтесь... А, вѣдь я былъ другимъ... Клянусь Богомъ! И если бъ вамъ показать мою фотографию... кстаги, у меня нѣтъ ея. У меня ничего не осталось отъ прошлаго. — Но я вамъ рѣшилъ рассказать все по порядку. Если вы запасетесь маленькимъ терпѣніемъ и вамъ не будетъ скучно...

Я вижу на вашемъ лицѣ выраженіе. Оно говоритъ

— Ладно, слышали, молъ — избитая пошлѣйшая исторія челоувѣческаго паденія, — «какъ дошелъ ты до жизни такой»...

По глазамъ читаю... Но, увѣрю васъ, моя исторія не такъ ужъ банальна... Выслушайте и судите сами...

2.

Прежде всего позвольте представиться... Впрочемъ, небритыя личности въ дамскихъ прионелевыхъ башмакахъ съ истоптанными каблучками не представляются, а называютъ себя. Моя фамилія—Рудкій, Августъ Феликсовичъ Рудкій. На Волыни есть городъ Заславль, — тамъ я и родился. Тихое живописное захолустье. Рѣка, горы. На каждомъ шагу—старина. Уцѣлѣли какія-то стѣны отъ замка удѣльнаго князя Изяслава. Тамъ построили винокурню. Подъ рѣкой Горынью — подземные ходы. Любители сильныхъ ощущеній находили, говорятъ, груды скелетовъ. Потомъ монастырь бернардитовъ, чуть-ли не пятисотлѣтній, и еще два костела, тоже древніе, такіе сѣрые, мрачные...

Нашъ родъ Рудкихъ могъ смѣло соперничать съ ними въ древности. Мы были тѣми обѣднѣвшими дворянами, какихъ много въ Юго-Западномъ краѣ. Тѣсная квартирка, жизнь вироголоды. И лѣтомъ и зимой—холодная скука. Убогая твердая мебель. Но, обязательно, какой-нибудь комодъ или столъ краснаго дерева, остатокъ прежняго величія.

Потемнѣвшія картины религіознаго содержания. Знатокъ, можетъ быть, купилъ бы ихъ, а можетъ онѣ собой и не представляли ничего.

На обѣдъ намъ варится крупникъ. Мясамы по недѣлямъ не видѣли въ глаза. Но мнѣ строжайше запрещалось играть съ уличными мальчишками.

— Не забывай, что ты—Рудкій!—назидательно говорила мать.

Не взирая на бѣдность нашу и крупникъ, саломъ заправленный, когда мама вся въ черномъ съ молитвенникомъ шла въ костель, у нея былъ чрезвычайно вельможный видъ. И всѣ вѣрили ея рассказамъ, что въ нашемъ, теперь захудаломъ, шляхетскомъ роду были воеводы и полковники славнаго панцырскаго войска Рѣчи Посполитой.

Мама превосходно владѣла французскимъ языкомъ и научила меня бѣгло читать и говорить.

Отца не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было четыре года. Умеръ отъ тяжелыхъ увѣчий. Онъ служилъ маленькимъ фольварковымъ управляющимъ у князя Сангушко. Мужики, — онъ не ладилъ съ ними, — подстерegli его ночью и звѣрски избили.

Воспитывала меня мама въ строго религіозномъ духѣ. Законъ Божій преподавалъ мнѣ отецъ Игнатій, видный, осанистый бернардинъ съ бритымъ и важнымъ лицомъ кардинала. Дѣтства, какъ его принято по-

нимать, съ играми и шалостями, — у меня не было. Я росъ одинокимъ, задумчивымъ, тихимъ, немного вялымъ ребенкомъ.

Въ десятому году мама опредѣлила меня въ реальное училище. Послѣдніе гроши уходили на меня. Но уже съ третьяго класса я имѣлъ уроки въ еврейскихъ семьяхъ, получая гдѣ два рубля въ мѣсяцъ, гдѣ три, а гдѣ даже пять. Бывало, какъ собака устанешь, бѣгаючи изъ одного дома въ другой. Осень, грязь, слякоть... А тутъ еще свои уроки надо готовить. Учился я не въ Заславлѣ, а въ Ровно. Это—городокъ отъ насъ въ нѣсколькихъ станціяхъ. Время шло, я уже кончалъ курсъ. Товарищи въ шутку называли меня «паненкой» за нѣжный румянецъ моихъ щекъ, за то, что я краснѣлъ, когда нескромно говорили при мнѣ о женщинахъ.

Мечтать о высшемъ учебномъ заведеніи нечего было и думать. Два года я прожилъ съ матерью и все время бѣгалъ по грошевымъ урокамъ. А тамъ и повезло вдругъ... Разыскалъ насъ двоюродный братъ отца, челоувѣкъ со средствами, занимавшійся коммерческими дѣлами. Онъ имѣлъ связи. Онъ же меня и устроилъ на пятьдесятъ рублей въ одномъ изъ частныхъ варшавскихъ банковъ.

3.

Вамъ знакома жизнь молодого челоувѣка, работающаго въ какомъ-нибудь учрежденіи отъ десяти до четырехъ и получающаго за это, ну, хотя бы, моихъ пятьдесятъ рублей. Тусклая жизнь. По крайней мѣрѣ, мнѣ она казалась тусклою.

Товарищи—или хорошенкаго модистка, или еще того проше—размалеванная дѣвица въ кричащей, дикой шляпѣ. А на другой день въ банкѣ съ циничнымъ смѣшкомъ, — вотъ мы какіе опытные, искусенные развратники! — дѣлились впечатлѣніями вечера, ночи вѣрнѣе...

Геронія—или хорошенкаго модистка, или еще того проше—размалеванная дѣвица въ кричащей, дикой шляпѣ.

А на другой день въ банкѣ съ циничнымъ смѣшкомъ, — вотъ мы какіе опытные, искусенные развратники! — дѣлились впечатлѣніями вечера, ночи вѣрнѣе... Въ день получки жалованья кутили шире. Эта ширина иногда простиралась до трехъ рублей съ челоувѣка. Шли въ «Ренессансъ», въ «Акваріумъ», или въ какой-нибудь другой кафе-шантанъ. Ахъ этотъ «Ренессансъ» — будь онъ трижды проклятъ!..

Я въ сторонѣ отъ этой компаніи держался. Во-первыхъ, помогалъ мамѣ. Все, каждая копѣйка была на счету. Какіе ужъ тутъ кафе и шатокабаки. Хотя, по правдѣ сказать, главная причина была во мнѣ самомъ. Не лежала душа ко всему этому. Противно было! И въ этихъ кафе, и въ этихъ шантанъхъ они, товарищи мои, прежде всего ис-

калы женщинъ... А я,—у меня были свои идеалы. Я тоже искалъ женщину,—только по другому—въ мечтахъ. Я грезилъ юной, прекрасной и чистой дѣвушкой, которая должна явиться на моемъ пути и дать мнѣ такое счастье, какого еще не было на землѣ. И чтобы я упалъ къ ея ногамъ и полюбилъ на всю жизнь громадной, высокой любовью и чтобъ она мнѣ отвѣчала тѣмъ же...

Я никому не повѣрялъ моихъ думъ. Товарищи, прилизанные, расчесанные, волосокъ къ волоску, засмѣяли бы меня.

— Глупецъ, фантазеръ...

Пускай глупецъ, пускай фантазеръ. Оно, дѣйствительно, можетъ быть странно было бы наблюдать сбоку. Стоитъ человѣкъ цѣлый день у конторки, заноситъ въ тяжелыя бухгалтерскія книги какія-то цифры, и вдругъ—идеальная любовь, чистая, вѣчная... Это ужъ что-то средневѣковое...

Средневѣковое... Да я люблю, вѣрнѣе любилъ, старину. Минувшая жизнь рисовалась мнѣ богаче и краше. Впечатлѣнія дѣтства оставили на всю жизнь свой слѣдъ. Тамъ, въ далекомъ уснувшемъ Заславѣ. Господи, сколько было работы дѣтскому воображенію, какихъ только подвиговъ не совершалъ я!..

У стѣнъ Бернардинскаго монастыря отражалъ штурмы лихихъ запорожцевъ, прокрадывался во вражій лагерь подземнымъ ходомъ и освобождалъ плѣнныхъ красавицъ—графинь и княгинь. Монастыри, костелы пышными процессіями встрѣчали меня—триумфатора...

И все это—не сходя съ мѣста, свернувшись калачикомъ, въ сумеркахъ на своей дѣтской узкой кровати. Какіе образы вставали! Въ сколькихъ битвахъ принималъ я самое дѣятельное и, конечно, самое побѣдное участіе!

Такимъ я и въ Варшаву пріѣхалъ... Такимъ оставался и дальше. До поры, до времени...

4.

Такъ прошло года три, а можетъ быть и четыре. Не помню хорошенько. Но этого майскаго дня, такого жаркаго, душнаго—я никогда не забуду...

Есть у насъ, католиковъ, праздникъ «Вожьяго Тѣла». Нѣсколько дней подрядъ многолюдныя процессіи съ духовенствомъ, толпой, съ образами и хоругвями. И въ каждой части города—свои процессіи. Это очень интересное зрѣлище. Оно переноситъ васъ назадъ въ глубину нѣсколькихъ столѣтій. Или,—я не былъ тамъ, но читалъ и слышалъ,—въ такія католическія страны, какъ Италия и Испанія.

Былъ африканскій зной. Раскаленный воздухъ стоялъ неподвижно. Уже шель пятый часъ, а солнце жгло, какъ полуденное. И хоть бы одно облачко въ небесахъ...

Я спустился къ Вислѣ, туда, гдѣ были кварталы побѣднѣй и попроще. Тамъ—настоящая вѣра, наивная, глубокая и трогательная. Она, эта вѣра, единственное утѣшеніе этихъ людей, въ ихъ тяжеломъ труженническомъ прозябаніи.

Еще не начиналось. Я медленно обошелъ двѣ или три улицы, по которымъ двинется процессія. Казалось, это одинъ громадный храмъ подъ яснымъ бирюзовымъ небомъ. Черезъ каждые пять-шесть домовъ—у стѣны сооруженъ алтарь. И сколько любви, старанія, безхитростной вѣры въ каждую мелочь вложено! Яркими, праздничными намѣтились эти алтари на фонѣ блѣдныхъ отъ зноя стѣнъ. Цвѣтные ковры, шелковыя драпировки, свѣчи, распятія, вышивки, иконы

работы не мудреныхъ, но вдохновенныхъ живописцевъ.

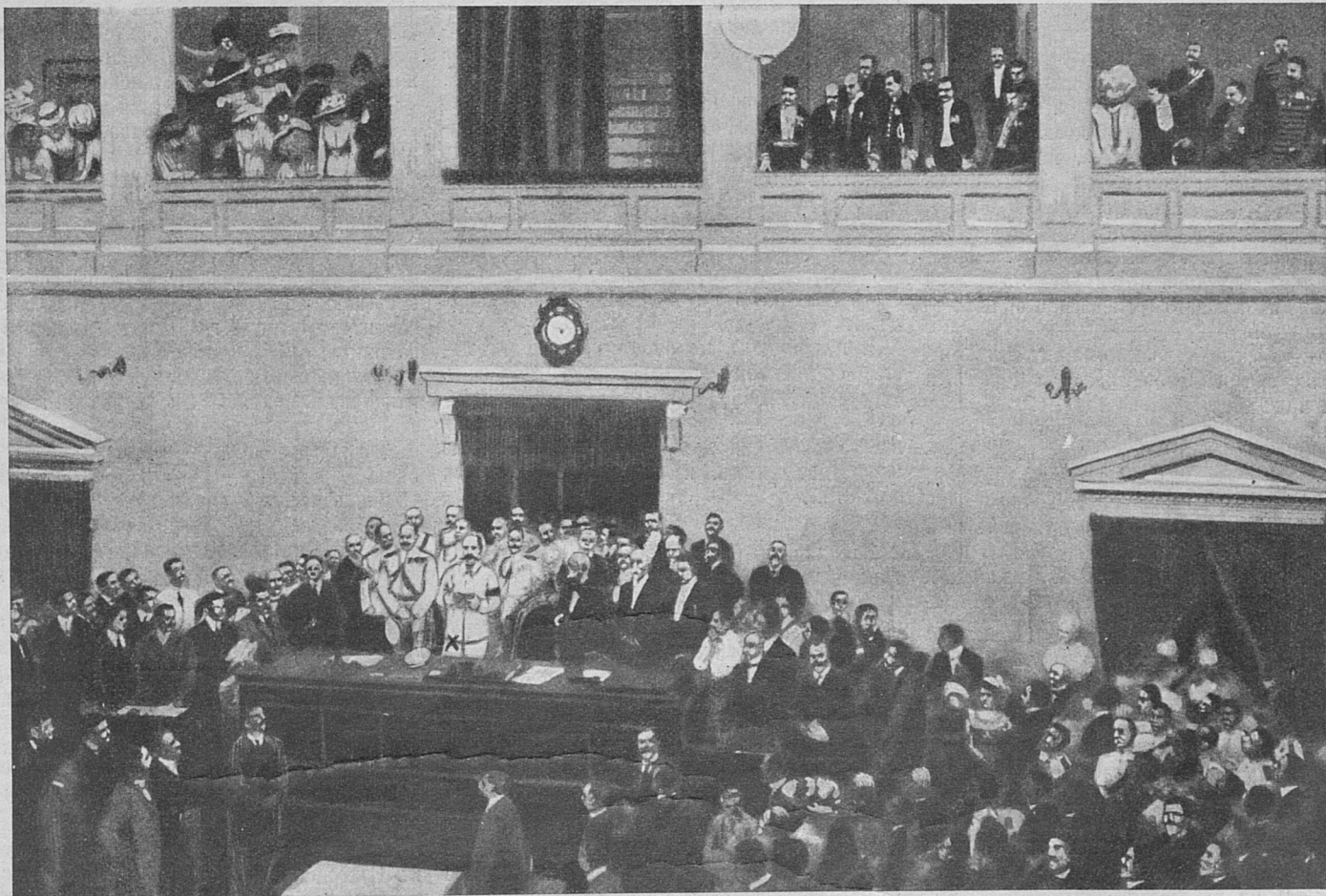
Глянешь—въ окнахъ всюду съ напряженнымъ любопытствомъ застывшія головы. Цѣлыя семьи отъ мала до велика. Балконы украшены гирляндами цвѣтовъ, свѣшивающимися коврами. На балконахъ—дѣти въ бѣлыхъ платьицахъ и съ голубенькими ленточками въ свѣтлокудрыхъ волосахъ. Личики, и румяныя и блѣдныя, этихъ дѣвочекъ—всѣ одинаково одухотворены серьезно и строго. Совѣтъ, какъ взрослые. Вотъ онъ религиозный фанатизмъ! Меня это захватывало. Я проникался какимъ-то особеннымъ уваженіемъ. И былъ убѣжденъ, что и подъ пулями эти дѣти съ голубенькими ленточками стояли бы такъ же неподвижно. И строго смотрѣли бы вдаль своими социуренными, выжидающими глазенками...

И я испытывалъ въ груди какой-то ноющий и вмѣстѣ сладостный, окрыляющій подъемъ. Нѣтъ, не фантазеръ и не романтикъ я! Есть еще на свѣтѣ, не вымерло, что-то высокое, мистическое, безстрашное, готовое на безкорыстныя жертвы.

Такъ, весь загорѣвшійся, незамѣтно очутился я у самой Вислы. Вся въ зыблющемся серебрѣ, быстро мчала куда-то свои желтыя воды. На томъ берегу беззаботно купались ребятишки. И это показалось мнѣ не нужнымъ и лишнимъ сейчасъ, когда съ минуты на минуту ожидается процессія.

Тѣмъ дѣвочкамъ въ свѣтлыхъ платьицахъ, развѣ имъ придетъ въ голову что-нибудь подобное? Онѣ замерли въ своемъ пламенѣющемъ экстазѣ, эти охваченныя еще пока безсознательной вѣрой крошки...

— Сейчасъ пойдутъ, они уже тамъ,—произнесъ хриплый, старческий голосъ. И

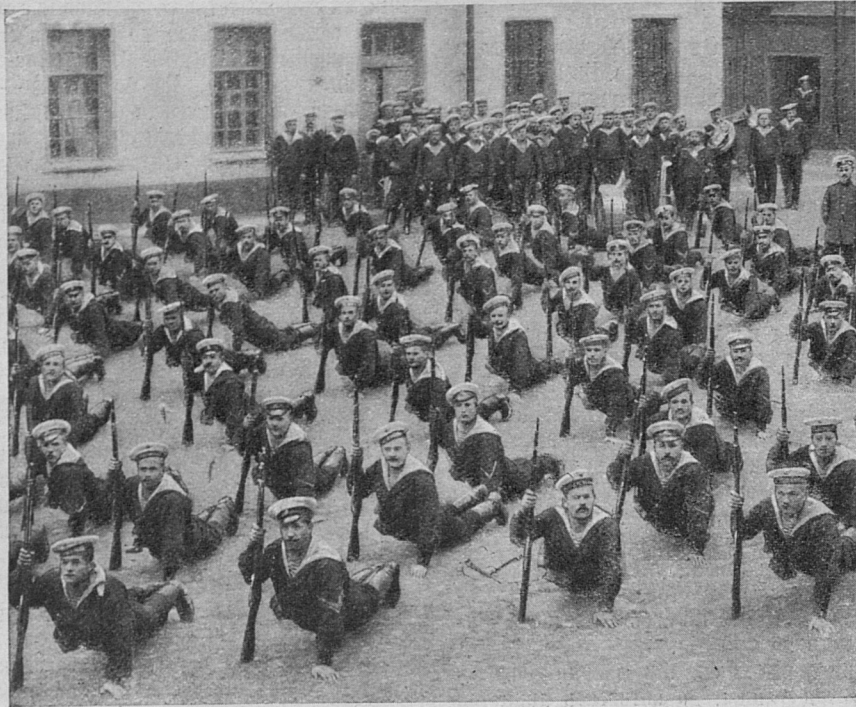

Открытие національнаго собранія въ Аѣнахъ.

Обостренныя отношенія между Турціей и Греціей, соперничество которыхъ на островѣ Критѣ давно уже перешло въ открытую враждебность, осложнились внутреннимъ кризисомъ въ греческомъ королевствѣ. Националь-

ное собраніе въ Аѣнахъ, открытое королемъ Георгомъ (X), угрожало превратиться въ учредительное; засѣданія его ожидалось поэтому съ нѣкоторымъ чувствомъ опасенія всѣми сторонниками мирнаго разрѣшенія

осложненій на Ближнемъ Востокѣ. Вначалѣ разыгрались бурныя сцены, но все-таки затянувшійся кризисъ, повидимому, не разразится въ очень близкомъ будущемъ катастрофой.

Шведская гимнастика во 2-м флотском экипаже в С.-Петербурге.

При 2-м флотском экипаже недавно открыта школа инструкторов шведской гимнастики, которую предполагается ввести во все флоты. Весь курс шведской гим-

настики завершается в 26 уроков. Весьма эффектное зрелище представляют воспроизводимые нами приемы, выполняемые инструкторами-матросами под музыку.

вернулся и выбрал удобную позицию на углу двух сравнительно широких улиц.

5.

Сначала совсем неслышно, потом все громче и громче доносится пѣние. Низкие, рыдающие звуки будят какую-то экзальтированную чувственность. Нѣжное что-то, любовное чудилось в них и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то грозное, карающее...

Тамъ, въ глубинѣ улицъ, наполняя ее, сметая съ дороги ненужныхъ и лишнихъ людей, робко жмущихся къ стѣнамъ домовъ, величаво и медленно, какъ судьба, надвигается шествіе. Пестрый лѣсъ хоругвей колышется надъ толпой въ блѣдномъ отъ зноя воздухѣ. У каждаго ремесленного цеха—своя хоругвь.

Чѣмъ-то средневѣковымъ пахнуло... Тѣмъ самымъ средневѣковымъ, о которомъ я всегда такъ мечтала...

Толпа любопытныхъ растетъ около меня, множится. Мужчины съ непокрытыми головами, защищая глаза шляпой, фуражкой, ладонью, жадно высматриваютъ процессію. Затихли, присмирѣли уличные мальчишки. Старухи, съ печатью во всемъ обликѣ приличной, запотанной бѣдности, увядшими губами шепчутъ молитвы... А пальцы въ дырявыхъ перчаткахъ перебираютъ страницы толстыхъ зачитанныхъ книжекъ.

Медлительно подвигается шествіе. У каждаго алтаря—остановка.

Словно живые, одухотворенные, склоняются надъ головами къ алтарю хоругви. Жутко становится—такъ много въ этихъ движеніяхъ чего-то скрытаго, затаившагося...

Впереди всѣхъ—пурпурныя, нестерпимо ярко горящія на солнцѣ хоругви цеха мясниковъ. И не хочется вѣрить, что этотъ алый, красиво трепещущій на гибкомъ древкѣ шелкъ, сверкающій золотымъ и серебрянымъ шитьемъ тонкаго мастерства, окаймленный мудреной бахромой,—значеетъ собой грубыхъ людей, льющихъ, какъ воду, бычачью и баранью кровь.

А вотъ и они сами, плечистые, крѣпкіе, съ красными, выбритыми подбородками, жесткими усами, въ неуклюжихъ суконныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Руки, жилистые, коричневые, сильные, кажутся приставными—такъ не идутъ къ нимъ бѣлые манжеты.

Глаза вдохновенно смотрятъ въ какую-то даль, имъ лишь однимъ вѣдомую. И созерцаютъ что-то хорошее, высокое... Остались гдѣ-то позади потоки густой крови,—словно ихъ никогда и не было.

Въ эту монотонную гамму черныхъ сюртуковъ дерзкими, оперными пятнами врѣзываются сургучно-красныя фигуры бритыхъ ксендзовъ съ крестами и кадильницами.

И пѣние, какъ въ оперѣ. Низкое рыдающее съ глухимъ клокотаньемъ смутныхъ угрозъ кому-то.

Я чувствую—какая-то волна подхватываетъ меня, уноситъ. Какое-то сладостное шекотанье вѣвъ, и неудержимо хочется плакать...

6.

Въ такой толпѣ сплошь да рядомъ бываетъ: около тебя давно и долго плечемъ къ плечу стоитъ кто-то. И лишь спустя много времени замѣчаешь... Такъ было и теперь. Случайно обернувшись, я увидѣлъ рядомъ съ собой молодую женщину. Она плакала. Слезы, точно въ недоумѣніи остановившись на длинныхъ рѣсницахъ, тихо катились по щекамъ. Она не спѣшила приподнять вуалетку, вытереть ихъ. Она забыла про свои слезы...

Шествіе съ иконами задержалось возлѣ насъ. Толпа росла, искала выхода. Молодую женщину отгѣснили назадъ. Я постарался ее огрადить, оберечь...

Съ мягкой улыбкой сквозь слезы она сказала мнѣ по-русски:

— Благодарю васъ...

Я никогда не считалъ себя знатокомъ по части распознаванія женщинъ, ихъ вѣшности, но только сразу было видно, что она,

такая изящная, красивая,—чуждая здѣсь и чужая, въ этой хоть и праздничной, но все же рабочей толпѣ. Украдкой я разсматривалъ ее.

Одѣта она была съ той изысканной и благородной скромностью, которая стоитъ дорого въ смыслѣ затраченныхъ денегъ и въ смыслѣ вкуса. Было впечатлѣніе туристски-дамы хорошаго общества. Этотъ костюмъ бѣлаго полотна, такъ гладко охватывающій чудесную фигуру,—словно родился вмѣстѣ съ нею,—вѣроятно, шили въ Парижѣ. Безрукавка тончайшихъ и дѣльных кружевъ поверхъ полотнянаго лифа. На свѣтло-золотистыхъ волосахъ—круглая соломенная шляпка безъ всякихъ украшеній, съ плоскими полями. Правильныя черты лица и свѣтлые широко-разставленные глаза давали впечатлѣніе головки греческой богини. Но у этой богини слегка были подведены глаза, припудрены щеки и губы крупнаго рта алѣли не совсѣмъ натурально.

Я терялся въ догадкахъ,—кто же она, эта женщина? Ея возрастъ... Ей можно было дать и двадцать четыре и тридцать. А тутъ еще эти кольца... Когда бѣлыми, узкими, длинными пальцами съ холеными твердыми розоватыми ногтями она опраивала выбившійся локонъ, брилліанты сверкали въ лучахъ солнца волшебными переливами...

Просто и доврѣчиво она говорила мнѣ:

— Смотрите на этихъ дѣвушекъ въ свѣтлыхъ платьяхъ... Сколько для нихъ радости въ этомъ событіи. На крохотныя сбереженія все такъ любовно дѣлалось, прилагивалось... Онѣ отказывали себѣ... И все во имя вѣры. Какое это утѣшеніе въ жизни—вѣрить...

Глубокая и давняя печаль смотрѣла изъ ея глазъ. Я невольно спросилъ:

— А вы, развѣ вы?...—и оскѣя.

Она молча и тихо покачала головой... Я угадалъ,—что она хотѣла сказать. Мнѣ стало ее жалко хорошею братской жалостью.

Она роняла замѣчанія, штрихи, дышащія умомъ и наблюдательностью.

Вдругъ лицо ея дѣлается озабоченнымъ.

— Смотрите, вонъ дѣвочка, ей дурно отъ жары, она упадетъ...

И прежде чѣмъ я успѣлъ сдѣлать движеніе, впереди меня мелькнула стройная фигура незнакомки. Въ самомъ дѣлѣ, крохотная участница шествія съ наивнымъ мышиннымъ хвостикомъ вмѣсто косички,—вотъ-вотъ помертвѣетъ. Лицо стало блѣдное и голубенькіе глазки неестественно закатились.

Незнакомка выхватила ее изъ толпы, какъ мать прижала къ груди и вынесла, озираясь, ища...

Добрыя женщины,—обывательницы соседнихъ домовъ,—сповали въ этой человѣческой гушѣ, съ водою въ кувшинахъ и кружкой. На каждомъ шагѣ есть кому предложить освѣжиться. Одна изъ этихъ водоносицъ метнулась къ ребенку со своимъ кувшиномъ.

Незнакомка, намочивъ батистовый кружевной платокъ, заботливо вытерла дѣвчкѣ виски, лобъ и дала хлебнуть изъ стакана.

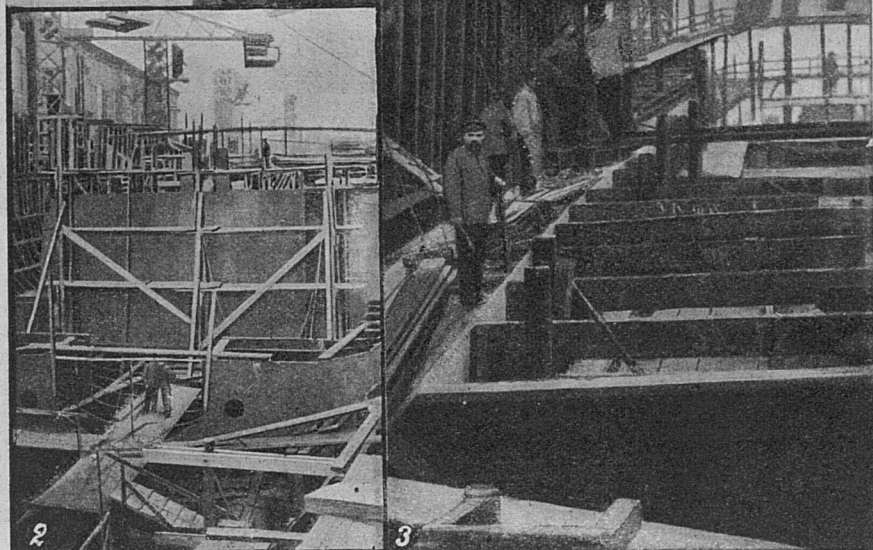
Крошка ожила. Возвращался румянецъ и васильковыя глазки безмятежно улыбались. Молодая женщина вмѣстѣ съ крѣпкимъ поцѣлуемъ спросила ее:

— Дитя мое, а гдѣ же твоя мама?..

7.

На другой день мы съ нею встрѣтились въ Саксонскомъ саду. Это не было случайностью. Мы условились. Условились на пути съ процессію.

И такъ это мило вышло, просто. Говорили о разныхъ разностяхъ, больше она говорила,—я слушалъ. А когда у Краковскаго предмѣстья она хотѣла проститься, у меня вырвалось:

1) Начальник Балтійскаго завода ген.-м. П. Ф. Вешнурцевъ. 2) Сооружаемый дредноутъ «Петропавловскъ». 3) Борты и переборка строящагося дредноута.

Со снимковъ, исполненныхъ сотрудникъ журнала «Огонекъ».

Прошло уже больше мѣсяца со времени сенсационнаго назначенія особой комиссіи изъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта для обследованія «въ кратчайшій срокъ» хозяйственной части морского вѣдомства. Общественное мнѣніе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ практическихъ результатовъ этой мѣры, направленной къ возрожденію боевой силы нашего флота, обновляемаго судами типа англійскихъ дредноутовъ. Въ настоящее время сооружаются четыре такихъ колосса. Два, «Полтава» и «Гангутъ», строятся на эллингахъ Новаго Адмиралтейства и два, «Севастополь» и «Петропавловскъ» — на Балтійскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ морского вѣдомства.

Благодаря любезному разрѣшенію начальника послѣдняго завода, генерала П. Ф. Вешнурцева, нашему сотруднику удалось снять сильно подвинувшіяся впередъ работы по сооруженію гигантскихъ броненосцевъ и тѣ мощные новые подъемные краны, которые начали дѣйствовать всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. На заводѣ только одинъ крытый эллингъ, такъ что «Петропавловскъ» строится на открытомъ стапелѣ, не защищенномъ ни крышей, ни стѣнами. На корпусъ этого броненосца потребуются положить до 8000 тоннъ (около полумилліона пудовъ) желѣза и стали, не считая вѣса котловъ машинъ и вооруженія. Около трети этого количества металла уже положено. Постройка «Севастополя» болѣе подвинута впередъ: на него положено на 550 тоннъ болѣе, чѣмъ на «Петропавловскъ».

О размѣрахъ дредноутовъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: наибольшая ширина ихъ равняется 26,6 метра, длина корпуса 180 метровъ. Всѣ они строятся по одинаковымъ чертежамъ; стоимость каждаго по смѣтѣ опредѣлена въ 28.800.000 руб. Общій вѣсъ дредноута достигаетъ 23.000 тоннъ или 1.404.000 пудовъ; изъ нихъ приходится на броню 6.750, на артиллерию съ полнымъ комплектомъ снарядовъ 4.212 тоннъ. Помѣщенія для угля рассчитаны на 1.016 тоннъ: т. е. на такое количество топлива, котораго хватитъ на переходъ отъ Петербурга до Владивостока, безъ необходимости грузить уголь во время пути. На каждомъ броненосцѣ будетъ по 4 башни съ двумя двѣнадцатидюймовыми орудіями;

броня толщиной въ 9 дюймовъ; скорость хода 23 узла въ часъ и полный комплектъ команды 900 человекъ.

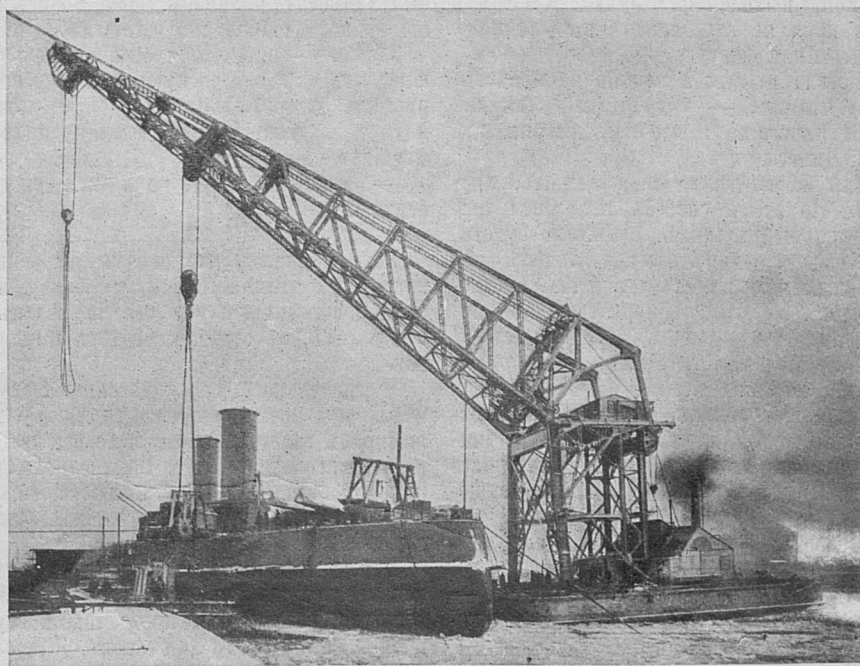
Всѣ четыре русскіе дредноута заложены 3-го іюня прошлаго года. Когда же они будутъ готовы? Разрѣшить этотъ волнующій вопросъ не такъ легко. По авторитетнымъ свѣдѣніямъ, на Балтійскомъ заводѣ надъ постройкою «Севастополя» и «Петропавловска» работаетъ всего отъ 800 до 1000 рабочихъ, тогда какъ при работѣ «полнымъ ходомъ» могло бы работать 2½ тысячи. Что же побуждаетъ завѣдомо затягивать постройку? Отсутствие денегъ, недостаточность кредитовъ. Съ рабочими заводъ рассчитывается, но матеріаль—сталь, чугунъ, желѣзо—получаетъ въ долгъ съ Коломенскаго завода и заводовъ южнаго горнопромышленнаго района. При нормальныхъ условіяхъ на сооруженіе пер-

выхъ русскіхъ дредноутовъ пришлось бы потратить около четырехъ лѣтъ, для послѣдующихъ, благодаря накопленному опыту и налаженности приспособленій, не болѣе 3½ лѣтъ. Если работа будетъ продолжаться при нынѣшнихъ условіяхъ, постройка дредноутовъ завершится лишь въ 6 лѣтъ, причемъ накладные расходы повысятъ стоимость каждаго изъ нихъ по меньшей мѣрѣ на 5 милліоновъ рублей. На четырехъ дредноутахъ этотъ перерасходъ выразится въ огромной суммѣ въ 20 милліоновъ рублей. Четыре дредноута обойдутся въ 140 милліоновъ, — на которые, при нормальномъ судостроеніи, можно было соорудить шесть такихъ же броненосцевъ.

Такое положеніе русскаго военнаго судостроенія, столь важнаго для насущныхъ нуждъ національной обороны, тѣмъ болѣе прискорбно, что у Англій въ настоящее время уже есть десять, въ Германіи пять готовыхъ къ бою дредноутовъ, а у насъ пока—ни одного. На верфяхъ въ Германіи 3 дредноута, въ Англій 4; у насъ столько же.

Помимо недостатка въ деньгахъ постройка русскіхъ дредноутовъ натолкнулась на рядъ чисто техническихъ препятствій, съ которыми не приходится считаться иностранному судостроенію. Такъ, напримѣръ, наибольшая ширина «Севастополя» оказалась на два фута болѣе ширины воротъ огромнаго эллинга Балтійскаго завода, — самаго большаго въ Россіи и наилучше приспособленнаго для постройки гигантскихъ броненосцевъ. Длина корпуса также превысила почти на десять сажень длину стапелей. Это повлекло за собою существенную перестройку эллинга. Для «Петропавловска» понадобились новые подъемные краны; воспроизводимый нами снимокъ даетъ наглядное представленіе о размѣрахъ подобнаго сооруженія. Этотъ плавающий кранъ, недавно построенный Балтійскимъ заводомъ, обладаетъ подъемною силою болѣе чѣмъ въ 200 тоннъ (12000 пудовъ) и является нынѣ самымъ большимъ въ мірѣ. Это—огромный понтонъ въ 100 футовъ длины и 76 футовъ ширины; вѣсъ всѣхъ металлическихъ частей крана достигаетъ 54.900 пудовъ, съ балластомъ же и снаряженіемъ до 1200 тоннъ, т. е. 73.000 пудовъ. Высота его, съ башнею и поднятою надъ нею «стрѣлою», равняется 67 метрамъ, или 223 футамъ. Поднявшисъ на эту высоту, можно увидѣть съ завода отдаленныя очертанія Кронштадта.

Наши снимки и эти бѣглыя свѣдѣнія достаточно выясняютъ всю многосложность такихъ гигантскихъ сооружений. Они требуютъ чрезвычайнаго напряженія силъ и средствъ страны, самые насущные интересы которой воиютъ о неотложной необходимости упорядочить и ускорить военное судостроеніе.

Новый двухсоттонный кранъ Балтійскаго завода.

Всероссійская сельско-хозяйственная выставка въ Михайловскомъ манежѣ въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ».

1) Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ на выставкѣ. 2) Общій видъ выставки.

Въ Михайловскомъ манежѣ стараніями сѣвернаго сельско-хозяйственнаго общества была устроена, съ 8-го по 15-е сентября, выставка молочнаго скота. На нее было доста-

влено около 570 головъ скота различныхъ породъ.

Выставка представляла большой интересъ и охотно посѣщалась публикою.

Въ цѣляхъ популяризаціи знаній по уходу за молочнымъ скотомъ на выставкѣ устраивались чтенія и лекціи.

— Уже?... Я васъ больше никогда не увижу?

А самого бросило въ оторопь. Не слышало ли смѣло, навязчиво!... Не сочла бы меня за уличнаго донъ-жуана.

Но нѣтъ, поняла, какъ и слѣдовало понимать.

— Хорошо, — говорить, — я могла бы съ вами завтра увидѣться. Приходите въ Саксонскій садъ, часовъ въ шесть, поболтаемъ. У насъ съ вами общіе вкусы...

И, привѣтливо кивнувъ головой, ушла легкой и плавной походкой. А я остался на мѣстѣ и все ощущалъ прикосновеніе бѣлой и мягкой, выхоленной ручки. Смотрѣлъ вслѣдъ, пока не затерялась въ уличномъ хаосѣ стройная фигура.

И обожгла мысль: а вдругъ не придетъ! И тогда что же, — умерли бы другъ для друга? Я ничего не знаю о ней: кто она, гдѣ живетъ. Ничего.

Мелькнуло пойти за ней, догнать, прослѣдить. Но этотъ способъ показался мнѣ унижительнымъ, гадкимъ. Будь, что будетъ.

Весь вечеръ я думалъ о ней. Ломалъ себѣ голову во всевозможныхъ догадкахъ, предположеніяхъ... Но если бѣ меня спросили, что это,—вдругъ охватившая влюбленность? Я бѣ чистосердечно отвѣтилъ:—«Нѣтъ».— Мнѣ было хорошо съ ней, именно хорошо. Красивая, женственная, изящная въ каждомъ звукѣ голоса, въ каждомъ своемъ движеніи, она старательно бѣжала малѣйшаго кокетства. Словно заявляла всѣмъ существомъ своимъ:

— Человѣка ищите во мнѣ... Душу мою берите, ея интересуйтесь...

Съ одной стороны — это. А съ другой — подведенные глаза, тронутыя карминомъ губы. Вотъ и разбирайтесь...

Я снималъ комнату у вдовы магистратскаго писца. Это была полная особа съ большимъ животомъ и порядочными сѣдѣющими усами. Все свободное время она пребывала

въ лѣнивомъ покоѣ и тяжело вздыхала на всю квартиру.

Въ первый разъ за всѣ мои двадцать четыре года я подошелъ къ зеркалу и началъ разсматривать себя какъ мужчину, спрашивая, могу-ли я нравиться. Не удивляйтесь. Теперь, это—грязная, стоптанная маска. Но тогда я былъ недурень. Я взялъ съ шатающагося зыбкаго комода овальное, на двухъ лапкахъ, зеркало и подошелъ съ нимъ къ окну. На меня глядѣло продолговатое блѣдное лицо съ нѣжнымъ румянцемъ щекъ и тонкимъ носомъ. Нашимъ фамильнымъ носомъ Ручкиныхъ. Покатыя узкія плечи. Я былъ строенъ и тонокъ. Мой дешевый костюмъ казался отлично сшитымъ.

Засыпая,—дурно и тревожно спалось,— я видѣлъ свѣтлые тоскующіе глаза, видѣлъ профиль дивной чистоты, намѣчавшійся подъ вуалеткой. И при этомъ чудился мнѣ мягкій шепотъ:

— Человѣка ищите во мнѣ... Душу мою берите...

8.

Если я скажу, что слѣдующій день казался мнѣ длиннымъ, что въ банкѣ я путалъ и ошибался и нетерпѣливо ждалъ шести часовъ, въ этомъ не будетъ ничего новаго.

Я тщательно одѣлся, насколько было возможно при моемъ скудномъ гардеробѣ. Долго выбиралъ галстукъ. Безъ четверти шесть— я въ Саксонскомъ саду. Быстро обхожу дорожки, останавливаюсь, оглядываюсь, жадно охватываю глазами отдѣльныя фигуры, группы...

Народу много. При вечернемъ солнцѣ голенькія ножки рѣзвяхихся дѣтей кажутся теплыми, розоватыми, прозрачными. Густой ароматъ цвѣтущихъ каштановъ. Журчитъ и плещетъ искрящейся радугой струя фонтана.

Нѣсколько разъ ошибался. Ускоришь шаги, догоняешь,—нѣтъ не она. Поминутно

вынимаю часы. Шесть... три минуты седьмого... восемь... Начинаю сомнѣваться, закрадывается тревога. Неужели не придетъ, обманула!

Глянулъ,—задрожалъ весь. Она! Тотъ же вчерашній простенькій туалетъ, та же шляпа. Она... Съ улыбкой поднимаетъ какого-то карапузика къ песочнымъ часамъ, и тотъ, важно оттопыривъ губы, водитъ пухлымъ пальцемъ по каменной плитѣ съ желѣзнымъ треугольникомъ въ центрѣ.

Что это тянетъ ее къ дѣтямъ? Видно, любить ихъ. Неудовлетворенное чувство материнства? И какъ-то ближе она стала мнѣ.

Подхожу, снимаю шляпу. Навѣрное, у меня былъ глупый сіяющій видъ. Въ отвѣтъ привѣтливый кивокъ, такой же, какъ и вчера. И сквозь улыбку—все та же милая тихая грусть въ свѣтлыхъ глазахъ.

Осторожно водворила карапузика на песокъ. Невольно бросилось—ни одного кольца на рукѣ. И это шло къ ней, ко всему облику.

Говорили, словно не вчера, а Богъ знаетъ когда встрѣтились. Говорили о важномъ, большомъ и о пустякахъ.

Теплый майскій вечеръ собралъ въ саду чуть-ли не всю Варшаву. Тучами двигалась по дорожкамъ публика.

Незнакомка спросила вдругъ:

— Вы не боитесь кладбища?

— А что?—удивился я.—Нѣтъ не боюсь.

— Я знаю людей, которые боятся. Хотите подемъ сейчасъ на Повонзки... Сядемъ въ трамъ и подемъ.

— Хочу... съ удовольствіемъ.

Съ нею куда угодно поѣхалъ бы...

9.

На кладбищѣ—безмолвье, покой. Красивая щемящая поэзія мертваго города.

— И жалъ тѣхъ, кто въ могилахъ, и тѣхъ, кто ихъ оплакиваетъ, и жалѣешь себя почему-то... Кажешься такимъ безза-

щитнымъ и маленькимъ, — говорила моя спутница, читая на памятникахъ польскія и латинскія надписи.

Мы шли по главной улицѣ смерти. Солнце, уже совсѣмъ вечернее, съ безстрастнымъ праздничнымъ легкомысліемъ скользило теплыми красноватыми лучами по тяжелымъ гранитнымъ плитамъ, задерживалось сверкающими бликами на гладкомъ мраморѣ крестовъ и колоннъ и лучистымъ сіяніемъ пронзало густую листву надмогильныхъ каштановъ.

На кладбищѣ—звукъ совершенно другой. Словно боязно и птицамъ перекликаться во-всю, и люди говорятъ по другому, и шаги какіе-то осторожные. Это еще больше подчеркиваетъ напряженную чисто кладбищенскую пустыньность.

— Тяжело видѣть могилу въ забвеніи, и какъ пріятно, когда о ней заботятся, берегутъ, смотрите туда, вправо,—и незнакома довѣрчиво коснулась моей руки.—Видите эту пару, отецъ и мать. Бритый въ очкахъ, типичный старикъ... Вѣнокъ несутъ, навѣрно, на могилу дочери или сына. Знаете кого они мнѣ напоминаютъ?—родителей Тургенева Базарова... тѣ тоже такъ на могилу сына ходили. Пережить дѣтей это—ужасно...

Она поймала мой удивленный взглядъ. — Чему вы? Поражаетъ васъ, что я помню Тургенева.

— Нѣтъ, я ничего... — сконфузился, какъ пойманный школьникъ.

— Кое чему я когда-то училась... Смотрите до чего это красиво!..

И было чѣмъ залюбоваться. И мы стояли восхищенные оба.

На фонѣ черной гранитной стѣны, мощной, тяжелой, — мраморный ангелъ. Нѣжный, хрупкій, весь залитый солнцемъ, онъ сіялъ розовый, легкой прозрачный, чистый, какъ золотая греза дѣтяти, готовая вспорхнуть и растаять. Вотъ-вотъ расправятся и полетятъ бѣлоснѣжныя крылья...

Помолчавъ, она сказала:

— Вглядитесь, это — работа хорошаго скульптора. На кладбищахъ Милана и Генуи я встрѣчала такіе памятники...

— Вы много путешествовали?..

— Много...

Ея непроницаемость интриговала меня все больше и больше. Да кто-же, наконецъ, эта женщина?.. Она не подходила ни къ одному шаблону. Держится отлично, съ большимъ тактомъ. А манеры—впору любой графинѣ. Но это не свѣтская дама. Чего то маленькаго, неуловимаго не хватаетъ. Актриса,—тоже нѣтъ... Простая, искренняя. Ни рисовки, ни позы, ни кокетства, ни фальши...

И,—за одно это предположеніе выбранилъ себя,—и не содержанка. Но, тогда кто-же, кто-же, милостивый Богъ?..

А спросить не смѣлъ, да и не деликатно было бы. Захочетъ—скажетъ сама... И въ глазахъ ничего не прочтешь, въ этихъ свѣтлыхъ печальныхъ глазахъ.

— Сядемъ...

Сѣли на поросій мохомъ гранить скамейки.

— Расскажите что-нибудь о себѣ, — услышалъ я мягкій голосъ.

И случилось то, чего не было еще ни разу за всѣ мои двадцать четыре года... Такъ откровенно я ни съ кѣмъ не говорилъ о себѣ. Никому не открывалъ свою душу. А ей, этой женщинѣ безъ имени и безъ адреса, «женщинѣ въ пространствѣ»,—ей охотно приподнял завѣсу надъ своими, такъ ревниво сокрытыми отъ чужого любопытства святынями.

Нарисовалъ свое дѣтство, портретъ матери, годы ученія. Съ улыбкой сочувствія слушала она про мои фантазіи мальчика о замкахъ, битвахъ и освобожденныхъ изъ плѣна княгиняхъ.

И, когда я умолкъ, сказала:

— На-дняхъ мы непременно осмотримъ съ вами старые кварталы... Хорошо?.. Это интересно, это цѣликомъ переноситъ туда... Какой-нибудь каменный сводъ, рѣшетка, фонарь на крючкѣ, такъ много даютъ воображенію...

Потомъ она спросила меня о моей теперешней жизни.

— Много веселитесь, бываете на людяхъ?..

— Нѣтъ, мало. Рѣдко, рѣдко пойдешь въ театръ. Вотъ мои товарищи—они счаст-

У международный акушерско-гинекологическій съездъ въ СПБ.

Со снимковъ фотографа журнала «Огонекъ».

Президіумъ съезда: а) проф. Манджіагалли (Миланъ); б) проф. Садовскій, генеральный секретарь выставки (Петербургъ); в) проф. Муратовъ (Кіевъ); г) проф. Шершовъ; д) проф. Замшинъ (Петербургъ); е) проф. Оттъ (предсѣдатель организационнаго комитета); ж) проф. Буммъ (Берлинъ); з) проф. Дедерлейнъ (Мюнхенъ). Участники съезда: 1) д-ръ Шліомъ (Рига); 2) жен. вр. Познанская; 3) Д. И. Лебедевъ; 4) Б. Ивановъ (Харьковъ); 5) жен. вр. Шимкевичъ; 6) супруга проф. Кехели (Бухарестъ); 7) проф. Мартинъ (Берлинъ); 8) проф. Дедерлейнъ (Мюнхенъ); 9) проф. Симсенъ (Эдинбургъ); 10) супруга предсѣдателя организационнаго комитета, проф. Оттъ; 11) миланскій проф. Манджіагалли; 12) супруга проф. Замшина. Дальнѣйшіе ряды: 13) городской голова Глазуновъ; 14) проф. Оттъ; 15) проф. Буммъ (Берлинъ); 16) предсѣдатель петербургской городской санитарной комиссіи Губертъ; 17) д-ръ Соколовскій; 18) тов. городск. головы Демкинъ; 19) проф. Кехели; 20) Оленинъ; 21) Лефиляръ; 22) Соболевъ; 23) Якобсонъ; 24) ген. Верещниковъ; 25) Мачевскій (Вильна); 26) Сицинскій; 27) проф. Замшинъ; 28) Войцѣховскій; 29) проф. Субботичъ (Сербія); 30) д-ръ Шабакъ.

У международный акушерско-гинекологическій конгрессъ засѣдалъ съ 8-го по 15-е сентября въ С.-Петербурѣ, въ помѣщеніи Императорскаго клиническаго акушерско-гинекологическаго института. Предсѣдателемъ организационнаго комитета состоялъ проф. Оттъ.

Собралось на конгрессъ свыше 750 гинекологовъ и въ томъ числѣ такіа европейскія знаменитости, какъ проф. Мартинъ, Буммъ, Дедерлейнъ, Рутъ. Многіе изъ ученыхъ, какъ напримѣръ извѣстный Дуазнь, общали приѣхать, но побоялись холеры и не приѣхали.

Изъ вопросовъ, обсуждавшихся съездомъ, слѣдуетъ отмѣтить: вопросъ о лѣченіи рака, о кесаревомъ сѣченіи, о неомальгузіанствѣ и др. Слѣдующій конгрессъ состоится въ Берлинѣ въ 1912 году.

ливы, когда могут истратить нѣсколько рублей въ кафе-шантанѣ...

— А вы?

— Терпѣть не могу. Не былъ, и не тянуть нисколько.

— И не идите. Кромѣ грязи и пошлости...

Она не договорила. Ея бѣлый гладкій лобъ прорѣзался складкой между бровями.

— Не идите,—повторила она задумчиво.

И опять молчаніе. Уже смеркалось. Солнца уже не было. И тамъ, гдѣ оно зашло, ширилась по небу пепельно-розовая полоса. Отрывисто и дремотно переключались птички въ зеленой гущѣ каштановъ.

Мимо насъ медленно шли подъ руку съ опущенными головами тѣ старики, что несли на дорожную могилу вѣнокъ.

— Жаль, мы не посмотрѣли кому,—прошептала незнакомка, — идти. Вся жизнь вмѣстѣ. Была любовь, теперь тихая глубокая привязанность. А вы, вы любите когда-нибудь?

— Нѣтъ. Но я жду, жду, что придетъ женщина, молодая, поэтическая, прекрасная, и я положу къ ея ногамъ самого себя, всю свою жизнь. Я всегда избѣгалъ дешевенькихъ романовъ и связей, чтобы не оскорблять ни себя, ни ее, ту, которая при-

детъ... Чтобы мы были достойны другъ друга...

Острый пылливый искоса взглядъ.

— Вотъ вы какой... хорошій... мало такихъ. Оставайтесь чистымъ, нетронутымъ, не разбивайтесь... Ждите, она придетъ...

— Придетъ, вы думаете?

— Если вы будете сильно вѣрить въ нее, она придетъ, должна! Но она не проститъ измѣны, оставайтесь чистымъ.

Незнакомка, вспомнивъ что-то, бросила взглядъ на маленькіе золотые, висѣвшіе на груди часики. Лицо рѣзко измѣнилось. Озабоченность легла какая-то. Неприятная озабоченность.

— Однако, мы заболтались, десятый часъ. Мнѣ пора.

— Куда же вы...

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ.

— Когда мы увидимся?..

— Хотѣ завтра... встрѣтимся въ Саксонскомъ саду въ шесть... даже лучше въ пять...

— И пойдемъ смотрѣть старую Варшаву?

— И пойдемъ смотрѣть старую Варшаву... А теперь... общайтесь не слѣдите за мной. Я знаю, вы славный, вы не сдѣлаете... До свиданія. Оставайтесь здѣсь еще минуты двѣ, три...

И она ушла торопливо, не оглядываясь. Я сидѣлъ на гранитной скамьѣ одинъ. Долго

сидѣлъ. Пока сторожиха не попросила меня уйти,—время было запираеть ворота.

Я жилъ, какъ во снѣ. Развѣ это не былъ сонъ. И наше знакомство, и наши встрѣчи и, прежде всего, она, это очаровательное, загадочное существо.

Уже на кладбищѣ—я былъ влюбленъ безумно, безгранично. Я твердилъ себѣ: она пришла... пришла... пришла...

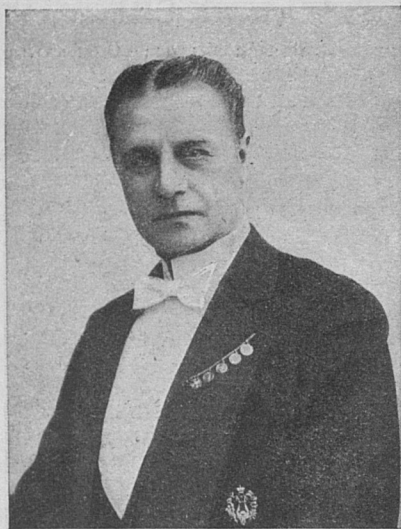
Да, пришла... Пришла и овладѣла мною. Я весь цѣликомъ подпалъ ея обаянію. Безъ воли, безъ желаній я сразу очутился во власти этой женщины. У меня было одно желаніе, впрочемъ,—это видѣть ее, говорить, любоваться ея тонкимъ профилемъ... Подстергать свѣтлый, тоскующій взглядъ.

Я такъ полонъ былъ новымъ, нахлынувшимъ чувствомъ, что даже вопросъ о взаимности не тревожилъ, не смущалъ моего радостнаго ликовація. Я какъ-то даже не останавливался на мысли,—можетъ-ли она отвѣтить любовью, она, такая красивая, избалованная, видѣвшая у своихъ ногъ самыхъ блестящихъ мужчинъ. Можетъ-ли...

И въ томъ, что она скрывала свое имя, свой домъ, я видѣлъ какую-то особенную прелесть манящей таинственности. Пусть бы открылась,—развѣ это измѣнило мое чувство, увеличило бы его... Увеличило бы... Но развѣ любить больше возможно?..

Полвѣка въ храмѣ Терпсихоры.

Изъ воспоминаній юбиляра, солиста Его Величества П. А. Гердта.

Солистъ Е. В. П. А. Гердтъ.

Любимецъ Терпсихоры, вѣчно юный и неувядаемый Павелъ Андреевичъ Гердтъ, гордость и украшеніе нашего балета, празднуетъ этой осенью пятидесятилѣтній юбилей службы въ Императорскихъ театрахъ.

— Я не дѣвица, и лѣтъ своихъ не скрываю: 22-го ноября мнѣ исполнится 66 лѣтъ. Находить, что я для своего возраста довольно хорошо сохранился. Эликсира молодости я не употребляю, а если по виду я кажусь моложе, то обязанъ этимъ своей организациі, а еще тому, что я—блондинъ. Жизнь свою я прожилъ скромно, въ семейномъ кругу, но ни къ какому режиму никогда не прибѣгалъ: ѣмъ, что придется, пью все, кромѣ керосина, сплю, сколько спится... Служба моя такова, что я вѣчно въ движеніи... А я къ тому же люблю ѣздить на велосипедѣ.

Припомнить точно, когда я впервые выступилъ на сценѣ, рѣшительно не могу. Еще ученикомъ балетной школы я много разъ участвовалъ въ спектакляхъ. Помню, какъ во время севастопольской кампаніи мы, мальчики, принимали участіе въ патриотической пьесѣ «За вѣру, царя и отечество»...

Въ училищѣ на меня обратили вниманіе отецъ Маріуса Петина и Югансонъ. Обоимъ, въ особенности Югансону, я обязанъ тѣмъ, что изъ меня вышло. Училище я кончилъ

Гердтъ и Гельцеръ въ «Баядернѣ».

съ отличіемъ и былъ назначенъ казеннымъ пансіонеромъ, съ жалованьемъ по 10 рублей въ мѣсяцъ. Черезъ годъ я получалъ уже 20 рублей. Первые шаги мои на сценѣ сопровождался успѣхомъ.

Однажды на сцену во время спектакля пришелъ императоръ Александръ II. Замѣтивъ меня, государь сказалъ:

— Вотъ, на кого всегда приятно смотрѣть...

Это милостивое замѣчаніе и послужило началомъ моей карьеры. Управляющій театрами Фодоровъ сразу назначилъ мнѣ 800 руб. жалованья, окладъ по тому времени огромный: тогда первая балерина Ваземъ получала 700 руб., кордебалетные же всего по 174 руб. въ годъ.

Вскорѣ я удостоился новой милости. По происхожденію я саксонскій подданный, и срокъ службы мнѣ считался не съ 16-лѣтняго возраста, какъ у всѣхъ учениковъ театральной школы, а со дня начала дѣйствительной службы, т. е. на два года позже. Я перешелъ въ русское подданство, и государь повелѣлъ считать мнѣ срокомъ на пенсію, наравнѣ съ другими, шестнадцатилѣтній возрастъ. Пенсію, въ размѣрѣ 1143 рублей, я получаю съ 1864 года. Съ тѣхъ поръ я считался вольнонаемнымъ...

Если не ошибаюсь, первый дебютъ мой въ

Гердтъ въ «Синей Бородѣ».

качествѣ солиста былъ въ оперѣ «Карлъ Смѣлый», теперь—«Вильгельмъ Телль». Въ балетѣ первый разъ я танцевалъ «тирольскій-де-Брента», съ матерью Легатовъ, въ «Мечтѣ художника». *Pas d'action* впервые танцевалъ съ М. С. Петина въ балетѣ «Флорида». Первый хорошій успѣхъ я имѣлъ въ *pas de Venus* въ балетѣ «Царь Кандавлъ».

Мнѣ повезло съ самаго начала службы. Маріусъ Петина къ тому времени пересталъ танцевать, Югансонъ старѣлъ, Левъ Ивановъ пополнилъ. Ихъ роли перешли ко мнѣ. Меня перевели на высшій окладъ—1,143 руб., кромѣ разовыхъ, по 10 руб. за спектакль.

Система разовыхъ вела тогда къ тому, что мы старались танцевать не только въ балетахъ, но и во всѣхъ операхъ и даже въ драмѣ. Чуть не ежедневно случалось переѣзжать въ гриммъ изъ одного театра въ другой, чтобы заработать побольше разовыхъ.

Со сколькими балеринами мнѣ пришлось танцевать, трудно даже перечислить. Въ юные годы, помню, я восхищался Теллой, Фанни Черито, Фридрибергъ, Н. Богдановой, Вергиной, Ваземъ, граціозной Канцеровой, М. С. Петина. Не перечисляя всѣхъ, не могу не назвать Виржини Цукки, которая произвела переворотъ въ нашемъ балетѣ. Какое удовольствіе было играть съ этой удивительной мимисткой.

Если бь она мнѣ сказала, что можетъ встрѣчаться урывками разъ въ мѣсяцъ, я съ величайшимъ счастьемъ пошелъ бы на это. И всѣ тридцать долгихъ томительныхъ дней жилъ бы сладостной мечтой о мимолетномъ свиданіи. Но мы встрѣчались ежедневно. На радость мнѣ, погода все время стояла чудесная. Ни дождь, ни хмурое ненастье не были помѣхой нашимъ встрѣчамъ подъ открытымъ небомъ.

И каждый день приносилъ что-нибудь новое, открывая богатства ея поэтической и тонкой души. Будь я романистъ, я навѣрно написалъ бы цѣлую книгу интересныхъ легендъ послѣ прогулки съ нею по старымъ кварталамъ Варшавы.

Нѣкоторые дома, угрюмые, сѣрые съ массивными стѣнами и длинными сводчатыми коридорами, идущими отъ кованыхъ желѣзныхъ дверей,—особенной жизнью дышали въ ея разказахъ. Я услышалъ изъ ея устъ нѣсколько темныхъ и кровавыхъ исторій.

Я не говорилъ ей ничего о своей любви. Но развѣ нужно было, когда весь я, словно факель, горѣлъ и пылалъ этой любовью...

Однажды она сказала мнѣ:

— Я вижу, васъ мучаетъ мое... что я скрываюсь... Честное слово, дурного въ этомъ ничего нѣтъ. Я ни отъ кого не прячусь, я совершенно свободна, но такъ нуж-

но, до поры до времени. Это я дѣлаю не для себя, а для васъ, хотя и для себя тоже, намъ нужно это, обнимъ... Больше я ничего не скажу...

— И не говорите,—перебилъ я жаромъ,—не говорите! Разъ вь такъ дѣлаете, значить такъ нужно, необходимо, такъ хорошо. Дурно вы не можете поступать...

Сквозь тоску свѣтлыхъ глазъ я угадалъ что-то милое, теплое, близкое. Съ такой улыбкой слушаютъ лепетъ восторженного ребенка.

— Вы думаете...—и еще разъ послѣ нѣкоторой паузы,—вы думаете... Ошибаетесь, вы идеализируете меня, увѣряю васъ,—я дурная, очень дурная...

— Молчите, я не вѣрю и не желаю вѣрить! Что за охота клеветать на себя... Вы, вы, дурная? Что можетъ быть нелѣпѣй, чудовищнѣй...

12.

Какое счастье, она была у меня...

Мы видѣлись наканунѣ:

— Я хочу посмотрѣть, какъ вы живете, можно?

— Разумѣется, что за вопросъ, но у меня такъ скромно...

— Это и хорошо...

И пришла.

Въ моей комнатѣ ея изящество и царственная фигура особенно подчеркивались. Слово принцесса, ослеплявшая своимъ появленіемъ простаго смертнаго.

— Напайте меня чаемъ...

Сняла перчатки, отколола у зеркала свою простенькую круглую шляпку.

— Ну вотъ я и у васъ. Это чья фотографія, мамы?—склонилась она у письменнаго столика.

— Да, — самъ же волнуясь — что она скажетъ...

— Сколько породы въ этомъ лицѣ. Гордая, почти надменная и... симпатичная, а это рѣдко бываетъ вмѣстѣ. Я ее люблю, вашу маму, люблю за то, что она дала вамъ жизнь...

Я покраснѣлъ, вспыхнулъ весь. Какъ понимать ея слова? Неужели я ей не безразличенъ? Господи! Въ головѣ завертѣлся такой хаосъ, горячій, глухой, пьяный.

А она осматривала все съ любопытствомъ наблюдательной, вдумчивой натуры.

Я не сводилъ съ нея глазъ. Теперь, въ домашней обстановкѣ, безъ шляпы, съ густыми прядями свѣтло-золотистыхъ волосъ, плотно уложенныхъ въ модную прическу, гибкая, въ тоненькомъ свѣтломъ лифчикѣ и черной юбкѣ, она казалась моложе.

Полвѣка въ храмѣ Терпсихоры.

Изъ воспоминаній юбиляра, солиста Его Величества П. А. Гердта.

Гердтъ въ роли принца Дезира въ «Спящей Красавицѣ».

Участвовалъ я во всѣхъ балетахъ, а во многихъ переигралъ по нѣскольку ролей. Мои любимыя роли,—увы, долженъ сказать, были — лорда Вильсона въ «Дочери Фараона», Валентина въ «Фаустѣ», Люсьена въ «Пахитѣ», Гренгуара въ «Эсмeraldѣ», принца въ «Лебединомъ озерѣ». Теперь я съ удовольствіемъ играю «Корсара», «Синюю бороду», въ «Раймондѣ», въ «Живели», въ «Эвникѣ». Съ особеннымъ удовольствіемъ я танцую во 2-мъ дѣйствіи «Жизни за Царя», гдѣ, говорятъ, мазурка удается мнѣ до сихъ поръ.

Кромѣ службы на сценѣ, я могу гордиться своею дѣятельностью въ качествѣ преподавателя театральнаго училища, въ которомъ работа съ тѣхъ поръ, какъ Петина передалъ

Гердтъ и Петина.

мнѣ классъ воспитанниковъ. Мы всѣ обязаны незабвенному М. И. Петина, доведшему нашъ балетъ до высокаго совершенства. Я старался, какъ могъ, продолжать его дѣло. Вплотствіи я принялъ классъ воспитанницъ, а теперь преподаю мимику и искусство поддержки балеринъ.

Изъ моихъ учениковъ назову Кякшта, покойнаго Легата, Фокина. Изъ ученицъ—мою гордость А. П. Павлову, Карсавину, Кякшъ, Ваганову, дочь Елизавету.

Если сравнить теперешній балетъ съ прежнимъ, нельзя не признать, что мы достигли удивительныхъ результатовъ. Прежде и не мечтали о такомъ развитіи техники танца. То, что теперь шутя продѣлываетъ М. Ф.

Гердтъ въ «Дочери Фараона»

Кшесинская, казалось недостижимымъ для самыхъ лучшихъ балеринъ.

Декорации, машины, освѣщеніе,—все сильно прогрессировало. Но въ особенности достигла совершенства музыка. Прежде композиторы считали недостойнымъ для себя сочинять балетную музыку. И только П. И. Чайковскій первый рѣшился написать серьезную музыку для «Спящей красавицы».

Талантливому М. М. Фокину удалось сделать интересныя новшества въ хореографіи и еще искусствѣ. Балетъ развивается, жить и еще долго будетъ жить, какъ зрѣли красивое, чистое, художественное.

Побѣдоносное шествіе русскаго балета за границу тому порукой...

ДОМЪ-ПРИЮТЪ ДЛЯ ВДОВЪ И СИРОТЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ИМЕНИ П. М. ТРЕТЬЯКОВА ВЪ МОСКВѢ, ПО ПРОЕКТУ АРХИТЕКТОРА Н. С. КУРДЮМОВА.

Со снимка московскаго корреспондента журнала «Огонекъ» С. Г. Смирнова.

П. М. Третьяковъ завершилъ свою меценатскую дѣятельность щедрымъ пожертвованіемъ на приютъ для вдовъ и сиротъ русскихъ художниковъ. Имъ оставлено для этой цѣли по духовному завѣщанію 225,000 р. Закладка зданія, сооружаемаго по проекту архитектора Н. С. Курдюмова, состоялась 8-го сентября с. г., въ присутствіи дочери

покойнаго жертвователя, А. П. Третьяковой, И. С. Остроухова, попечителя знаменитой третьяковской галереи, С. И. Анофриева, члена московской управы, завѣдующаго строительною частью, многихъ художниковъ и др. лицъ, близкихъ къ русскому искусству. Зданіе приюта сооружается въ Лаврушевскомъ переулкѣ.

Я не хотѣлъ, чтобы моя тучная хозяйка съ сѣдьющими усами увидѣла ее,—это было бы святотатствомъ,—и поэтому я самъ внесъ кипящій самоваръ, приготовилъ все къ чаю. Она вызвалась хозяйничать. И шло это у нея такъ умѣло, проворно, граціозно. За всю мою жизнь никогда я не пилъ такого вкуснаго чая.

Говорили, говорили и вдругъ:

— Покажите мнѣ ваше бѣлье...

— Что такое?—я не понялъ сразу.

— Я хочу пересмотрѣть ваше бѣлье, гдѣ оно, въ этомъ комодѣ?

— Да.. но зачѣмъ...

— А вотъ увидите...

И, выдвигая и запирая ящики, она хлопотала у комода, пересматривая мое бѣлье, аккуратно складывая его на мѣсто и кое-что отбирая въ сторону.

Я слѣжу, ничего не соображаю и главное мое чувство—стыдъ, ложный стыдъ за мое бѣдное, грубое бѣлье.

— А теперь, дайте во что завернуть. Этотъ пакетикъ я возьму съ собой. Дома на досугѣ я все это перечиню, перештопаю и привезу вамъ обратно.

Она убѣтъ меня окончательно эта женщина. Я протестовалъ:

— Что вы... Развѣ я достоинъ такой чести... Вы, вы этими пѣжными, чудными пальчиками будете чинить всякую ветوشь?

— Во-первыхъ, они далеко не чудные, а, во-вторыхъ, отлично штопаютъ, шьютъ, чинятъ, вышиваютъ. Вы еще не видѣли, какая я рукодѣльница. Черезъ два-три дня будетъ все готово... Бѣдный мальчикъ, бѣдный, одинокій мальчикъ! У него нѣтъ женщины, своей женщины, которая заботилась бы о немъ...

Я хотѣлъ упасть къ ея ногамъ, цѣловать край ея платья.

— Вы моя волшебная фея... Дивная, прекрасная!..

Она отрицательно покачала головой.

— Славный... восторженный... Я вовсе не дивная и не прекрасная. Я несчастный цѣлѣвикъ, котораго надо пожалѣть.

— Бывшишь, я схватилъ ея руки.

— Скажите, Бога ради скажите, что съ вами? Какую печаль вы носите въ себѣ? Отчего у васъ всегда такіе скорбные глаза... отчего? Скажите, я отдамъ мою жизнь, мою кровь, чтобы вы чего-то не было: если бы только это могло облегчать, помочь...

Не отнимая своихъ рукъ, она сказала:

— Спасибо, милый... Родной, спасибо...

Потомъ, какъ-нибудь... Придетъ время... Вѣдь мы еще не въ послѣдній разъ видимся... Да?..

Опять что-то вспомнила, опять озабоченность легла на ея черты тѣнью, и опять, какъ и тамъ, на кладбищѣ, она не понравилась мнѣ въ этотъ моментъ.

— Уже девять... Пора... Я уйду...

Ахъ, эти проклятые девять часовъ! Эта проклятая неизбежность Будетъ-ли конецъ когда-нибудь всему?..

Конецъ пришелъ, и скорѣй, чѣмъ я ожидалъ...

13.

У кого не закружилась бы голова.

Тысяча мужчинъ, болѣе опытныхъ, искушенныхъ, чѣмъ я, пришли бы къ одному и тому же на моемъ мѣстѣ.

Есть взаимность. Есть. Она отвѣчаетъ любовью. Эта ласковость, это вниманіе, трогательная заботливость, желаніе частой встрѣчи,—развѣ все это не доказательство?..

И съ новымъ чувствомъ, гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ чего-то конфузійный, робѣющій самъ передъ собою, я упивался сознаниемъ, что она меня любитъ Она, хорошая, близкая и вмѣстѣ чужая, далекая, недоступная. Эта женщина - сфинксъ, женщина - тайна. Да неужели это дѣйствительность?.. Это сознаніе окрыляло меня, и я вырасталъ въ собственныхъ глазахъ. Я теперь уже настоящій мужчина. У меня романъ, красивый, поэтичскій...

Она ушла изъ моей комнаты, но она была еще здѣсь. Я видѣлъ ее, вдыхалъ ея ароматъ...

Приступъ бурнаго, ликующаго безумія захлестнулъ меня... Хотѣлось броситься на постель и, сжимая подушку, вгрызться въ нее зубами... Было дикое желаніе закружиться въ вальсѣ съ моей усатой хозяйкой. Я чуть не выбѣжалъ на улицу, чтобы обнять и расцѣловать перваго встрѣчнаго. Не было, казалось, такой сумасшедшей выходки, передъ чѣмъ остановился бы я.

Воображеніе металось, лихорадочно взлетая къ небесамъ, строя воздушные замки... Мы вмѣстѣ, навсегда вмѣстѣ съ нею. Она—моя любовница, жена, мой другъ, моя сестра, святыня—весь смыслъ моей молодой нетронутой жизни. Въ ней одной воплотился весь мѣръ, заслоненный ея дивнымъ образомъ...

Я работаю, работаю непокладая рукъ, счастливый, бодрый, любящій и любимый. Мы углубляемъ наши мысли, мы—одна

душа, одно тѣло. Въ туманныхъ волшебныхъ краскахъ вставало будущее, наше будущее...

Я готовъ былъ его выстрадать какой угодно цѣною...

14.

На утро въ банкѣ спрашивали меня:

— Что съ вами? Двѣсти тысячъ выиграли?..

— Больше,—отвѣчаю я съ блаженной улыбкой,—милліоны. Я богаче Вандербильта...

Рядъ комическихъ поздравленій.

Служилъ у насъ нѣкто Шубовичъ. Молодой, прилизанный, самоувѣренный. Онъ занималъ двухсотрублевое мѣсто, считался способнымъ финансистомъ, и его прочили со-временемъ въ директора. Днемъ онъ работалъ за десятерыхъ, безстрастный, дѣловитый, а вечерами кутилъ.

Я былъ прямымъ подчиненнымъ этого человѣка. Мнѣ были неприятны его самолюбіе, его надменность, его короткіе пальцы съ мягкими ногтями, за которыми онъ такъ ухаживалъ. Неприятенъ былъ его англійскій проборъ во всю голову, ради чего онъ каждое утро заходилъ къ парикмахеру.

Шубовичъ, высокомерный къ низшимъ, протягивалъ чуть-ли не два пальца. Ко мнѣ онъ замѣтно благоволилъ. Самъ темный выскочка, онъ цѣнилъ мою старую дворянскую фамилію. И со мной здоровался по-человѣчески.

Вотъ и сейчасъ:

— Пане Рущкій, я имѣю сказать два слова...

Видѣ благожелательный, не официальный. Но я хочу быть официальнымъ и съ корректной холодностью спрашиваю:

— Что прикажете, пане Шубовичъ?

— Не приказываю, но прошу... Вы сегодня вечеромъ свободны?

Молніей вспыхиваетъ мысль о ней...

— Что вы называете вечеромъ?..

— Вечеръ у порядочныхъ людей начинается съ одиннадцати...

— Въ такомъ случаѣ, свободенъ...

— И великолѣпно! Я приглашаю васъ въ «Ренессансъ». Мой день рожденія сегодня; хорошо?..

— Видите ли...

— Никакихъ видите ли! Я знаю, что вы молодой человѣкъ добродѣтельной, монашеской жизни, стремитесь заживо попасть на небо... Но разочекъ пойти въ «Ренессансъ» — вамъ не помѣшаетъ. Глупости, неужели вамъ такъ трудно это сдѣлать для вашего... — начальника хотѣлъ онъ сказать, но поправился...—для вашего товарища, сослуживца...

Я продолжалъ отнѣкиваться, но Шубовичъ уговорилъ меня. Чортъ съ нимъ! Онъ мстителенъ, мелоченъ и, при желаніи, на каждомъ шагу можетъ напасть.

Только вернувшись домой я съ ужасомъ вспомнилъ, что мы забыли съ ней условиться назначить свиданіе. Какая оплошность... Правда, она знаетъ, гдѣ я живу; такимъ образомъ мы не исчезли бы другъ для друга... но все же это возмущало меня. На всякій случай я уже въ половинѣ пятаго забрался въ Саксонскій садъ. Обошелъ его весь,—ея не было. Уже шесть часовъ, уже седьмой въ началѣ. Ни слуху, ни духу. Дрожу, бьютъ меня лихорадка. Богъ знаетъ, какіе страхи мерещатся...

Не пришла и никогда не придетъ... Знать больше не желаетъ меня. Но я гналъ отъ себя эти черные призраки. Неправда, не можетъ быть! Случайность, простая случайность; что-нибудь помѣшало. Съ надеждой отчаянія спѣшилъ угадать ее въ каждой стройной фигурѣ.

Сумерками ушелъ изъ сада. Переволно-

вался, перекипѣлъ и немного успокоился. Слѣбная случайность. Наверное, завтра дастъ о себѣ вѣсточку. Наконецъ-же,—мое бѣлье у нея.

15.

— Что съ вами,—спросилъ Шубовичъ,— то блѣдный, то красный? Вамъ не сидится... Или вы проиграли все то, что выиграли утромъ...

— Нѣтъ... ничего... пустяки... такъ... новыя впечатлѣнія...

Да, это были для меня совсѣмъ новыя впечатлѣнія.

Мы сидѣли въ ложѣ. Пѣлый рядъ такихъ ложъ шелъ вдоль барьера. Внизу бѣлыми квадратами выдѣлялись небольшіе столики. За ними тоже сидѣла публика. И тамъ же, внизу, противъ насъ — полукруглая сцена раковины. На сценѣ какіе-то черномазые усатые люди въ красныхъ смокигахъ, нагло блестя влажными, темными глазами, играли «матчипшъ».

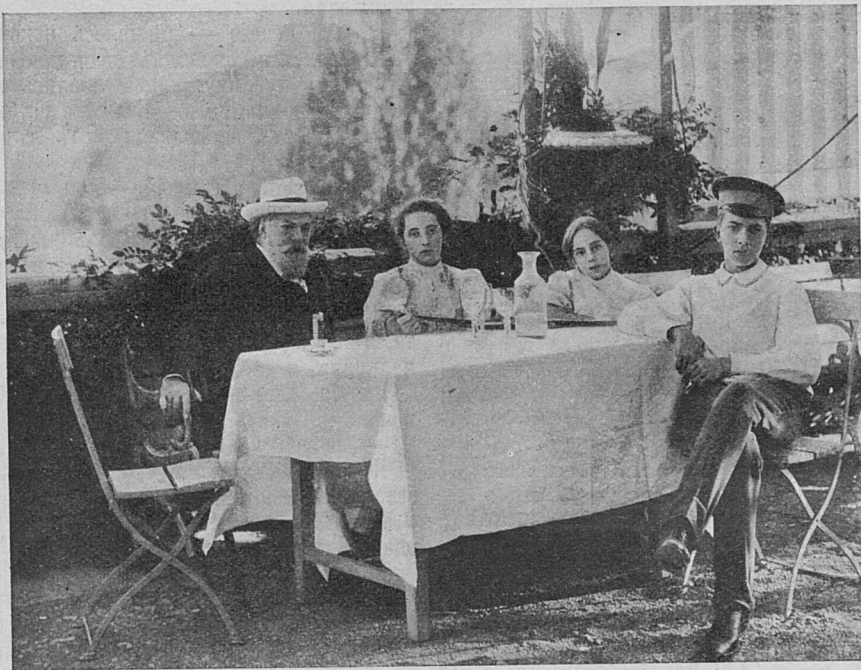
Женщины, залитыя электричествомъ, накрашенные, въ громадныхъ шляпахъ, съ открытой грудью и брилліантами въ ушахъ, улыбаясь заученной механической улыбкой,

ходили между столиками, присаживались и такъ же механически, ремесленно кокетничали съ мужчинами.

Шубовичъ сверху подмигивалъ имъ, дѣлалъ ручкой, окликалъ по именамъ, такимъ же фальшивымъ и кричащимъ, какъ и онъ сами.

Женщины отвѣчали ему. Онъ былъ здѣсь своимъ человѣкомъ. Съ видомъ пресыщеннаго знатока, Шубовичъ раздѣльно и вѣско отдавалъ распоряженія лакею, и тотъ, почтительно изогнувъ спину, съ дѣланымъ, угодливымъ вниманіемъ слушалъ его.

Наши художники и писатели лѣтомъ.

К. Г. Мановскій съ семьей на своей дачѣ въ Крыму.

Маститый профессоръ любитъ югъ и лѣто проводить или на французской Ривьерѣ, или

въ своемъ имѣніи въ Крыму, гдѣ пишетъ чудесные солнечные этюды.

Академикъ Н. Д. Кузнецовъ

собирается на охоту въ своемъ херсонскомъ имѣніи.

Ивѣстный жанристъ славится, между прочимъ, своими охотничьими этюдами. Живя среди природы, на степномъ приволѣ, Н. Д. Кузнецовъ проникаетъ въ тайны ея красотъ и запечатлѣваетъ ихъ своими красками.

И. Ф. Василевскій (Буква),

въ имѣніи Еленово.

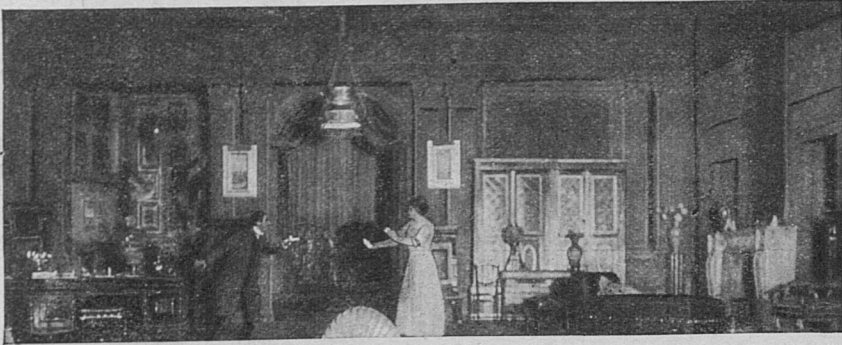
Талантливый писатель отдыхалъ нынче лѣтомъ,—если непрерывная литературная работа совмѣстима съ этимъ понятіемъ,—въ своей живописной усадьбѣ «Еленово», близъ ст. Молодечны, по либаво-роменской желѣзной дорогѣ. На воспроизводимомъ нами снимкѣ изображена часть дома и парка въ имѣніи И. Ф. Василевскаго.

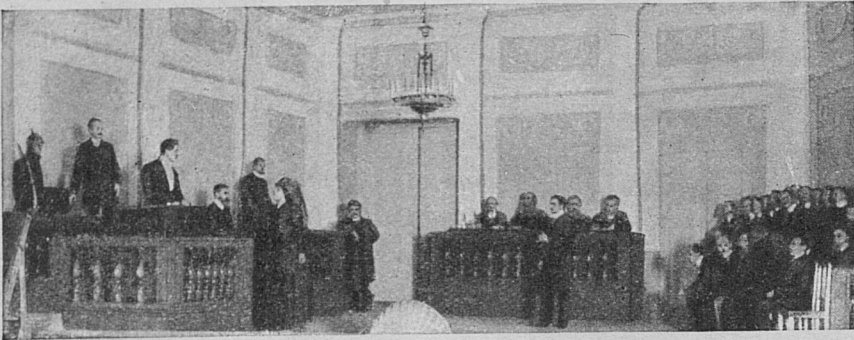
Оригинальный рисунокъ для журнала «Огонекъ» проф. К. Г. МАКОВСКАГО.

«ТАЙФУНЪ», ПЬЕСА ЛОНЧИЗЛЯ, НА СЦЕНЬ МАЛАГО ТЕАТРА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Со спимковъ Н. Александрова.

2-й акт.—Сцена ревности между Токерамо и Еленой Кернеръ.

3-й акт.—Судъ надъ убійцей Елены Кернеръ.

Поставленная 12-го сентября въ Маломъ театрѣ пьеса нѣмецкаго писателя Лончиэля «Тайфунъ», первая въ Европѣ пьеса съ героями-японцами. Докторъ Токерамо (г. Глаголинъ) живетъ въ большомъ нѣмецкомъ городѣ, гдѣ осуществляетъ свою миссію передъ родиной, приобщая къ европейской культурѣ и въ то же время согладаятвствуя. Токерамо любимъ молодою женщиною, Еленою Кернеръ (г-жа Троянова), и самъ любитъ ее, но въ сценѣ безумной ревности, въ порывѣ бѣшенства убиваетъ ее. Если онъ понесетъ тяжесть наказанія, рухнетъ все его дѣло, и одинъ изъ его соотечественниковъ беретъ на себя его вину.

Въ третьемъ актѣ передъ зрителемъ сцена германскаго суда. На минуту истина вскрывается передъ судьями и присяжными. Измучившійся Токерамо не хочетъ принять милости и объявляетъ себя преступникомъ. Но ему не вѣрятъ.

Его замѣститель подвергается всей тяжести судебного приговора. Токерамо уходитъ оправданный. Но внутренне осужденіе тяготитъ его неустанно. Жизнь его лишается смысла послѣ утраты любимой женщины. Онъ видимо вянетъ, гаснетъ и въ финалѣ пьесы умираетъ подъ гнетомъ вѣчной душевной муки.

лись, флиртовали, пили. Сотни челюстей, ртевъ жевали всякую всячину и никто не смотрѣлъ на эстраду.

Окончивъ про кирасира, не поощренная ни единымъ хлопкомъ, она пропѣла еще какую-то гадость...

Худая костюявая француженка смѣнила ее.

16.

Я просился, какъ гимназистъ.

— Позвольте мнѣ уйти домой... отпусти те меня...

— Нѣтъ, честное слово, онъ сумасшедшій,—негодовалъ Шубовичъ,—во-первыхъ, мы будемъ пить шампанское, а во-вторыхъ, вѣдь это же начало программы. Выпускаютъ всякую заваль... Сидите, за то въ концѣ увидите Люботовичъ-Лярскую — пальчики оближите...

Дѣлать нечего — пришлось покориться.

Шансонетки, окончивъ свои номера, выходили въ публику, присаживались къ курящимъ компаниямъ. Если же не было на нихъ спроса, заказывали себѣ скромный стаканъ чая.

Охмѣлѣвшій и сонный,—привычка рано ложиться,—я уже не смотрѣлъ на сцену. Всѣ эти нѣмки, венгерки, француженки были однообразны до тошноты въ своихъ циничныхъ и грубыхъ пошлостяхъ.

Я смотрѣлъ въ одномъ направленіи, куда-то мимо безукоризненнаго пробора моего начальника, и словно заблудился въ оцѣпенѣніи.

Вдругъ длинный Шаманскій толкаетъ меня:

— Смотрите, Люботовичъ-Лярская...

И я сейчасъ же почувствовалъ тупой, останавливающей дыханіе ударъ въ грудь. Это сонъ... это мнѣ померещилось... это не она, быть не можетъ!

Шумъ аплодисментовъ. Первые аплодисменты за весь вечеръ. Люботовичъ-Лярская въ черномъ гладкомъ платьѣ. Словно мраморную статую плотно задранировали черной матеріей и облили ее водой.—ни морщинки, ни складки. Четырехугольный вырѣзъ отбѣняетъ блѣдную красивую грудь и точеную шею.

Какое поразительное сходство...

И опять ударъ въ грудь еще сильнѣй, еще удушливѣй...

Да вѣдь это она, она,—чуть не вскрикнулъ я, комкая пальцами скатерть до того, что бутылка и тарелки поползли на край стола.

— Что съ вами, пане Рущкій? Вы перебьете намъ всю посуду...

— Это и есть Люботовичъ-Лярская?

— Естественно, она, кто жъ ея не знаетъ! Кто же не знаетъ Стаськи Люботовичъ?!

Меня огнемъ жгло. Она—моя любовь, мой кумиръ, моя святыня, здѣсь въ этомъ кабацкѣ. И всякій болванъ смѣетъ звать ее, какъ легкую женщину, небрежной кличкой «Стаськи». А эти отбѣвшіе мерзавцы съ толстыми бумажниками покупаютъ ее за деньги. Ее, которая плакала во время процессіи, которая водила меня на кладбище и умѣла быть чуткой, романтической. Вчера лишь, вчера она была у меня. Что жъ это, издѣвательство, игра, полная самаго безсердечнаго глумленія? Такъ вотъ почему... вотъ почему... она каждый вечеръ спѣшила... спѣшила въ этотъ грязный вертепъ... На службу...

Люботовичъ-Лярская спѣла о томъ, что чужіе мужья гораздо интереснѣй своихъ собственныхъ. Ее никто не слушалъ,—всѣ были заняты ѣдой, разговоромъ, пьянствомъ,—но ей аплодировали за изощренность, за черное скромное платье, такъ аристократически выдѣлявшееся среди нелѣпыхъ, безвкусно пестрыхъ костюмовъ остальныхъ шансонетокъ.

Никто не слушалъ, за исключеніемъ меня.

— Пиколо...—позвалъ Шубовичъ.

Къ нему со всѣхъ ногъ бросился мальчижъ въ курточкѣ, протянулъ длинную афишу, получилъ 20 копѣекъ, и съ низкими реверансами попятился назадъ.

Шубовичъ, барабана короткими пальцами по скатерти, фальшиво и не въ тактъ съ музыкантами насвистывалъ матчишъ.

Я недоумѣвалъ.

Гдѣ же то веселье, интересное, яркое, которое онъ обѣщалъ мнѣ въ банкѣ, сманивая въ этотъ грязный и потертый заплыванный кабацкъ?

— Погодите, пане Рущкій... Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ... дайте начаться программѣ...

Кромѣ насъ, было еще двое. Длинный, золотушный, какъ спаржа, Шаманскій и толстенный румяный Шинко. И тотъ, и другой, какъ и я—подчиненные Шубовича.

Начальство, видимо, хотѣло ошеломить насъ своей щедростью, своимъ великолѣпнымъ. Шубовичъ потребовалъ салатъ-оливье, свѣжей икры, семги, всевозможныхъ водокъ, заказалъ ужинъ и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго, причеиъ долго и сосредоточенно выбиралъ марку.

— Пейте, пане Рущкій, пейте! Рябинову пить дамы, даже дѣти...

Голова съ непривычки мутилась отъ двухъ-трехъ рюмокъ. Я чувствовалъ, что глаза мои блестятъ нелѣпно, какъ у людей, которые никогда не пьютъ и впервые хмѣлѣютъ. Получается растерянное, виноватое, совсѣмъ чужое лицо.

Но я ни на минуту не забывалъ о ней. Даже—наоборотъ. Сейчасъ, въ этомъ приподнятомъ, необычномъ настроеніи, я съ какой-то беспорядочной непослѣдовательностью, но глубоко и до жуткаго остро сознавалъ, какъ она безконечно мнѣ дорога и какъ я ее безумно люблю. Былъ порывъ открыться моимъ собесѣдникамъ, но, слава Богу, во время удержался. Не поймутъ, или сдѣлаютъ видъ, что не поняли. Вышутятъ. Особенно Шубовичъ, этотъ пошлякъ. А тѣ двое — изъ желанія подслужиться къ нему.

Публики прибывало и въ нашихъ ложахъ, и тамъ внизу. Люди въ красныхъ смокингахъ сложили свои скрипки и, нахально преслѣдуя женщинъ своими южными глазами, разбрелись.

Звонокъ. Подъ шумъ голосовъ, стукъ посуды распахнулся занавѣсъ-портьера. Къ рампѣ выбѣжала вприпрыжку толстая нѣмка въ коротенькой юбочкѣ, въ блестящихъ, съ жирными набѣленными плечами и грудью. Хриплымъ речетативомъ, страшно выпучивая глаза, ударяя себя кулаками въ животъ, она признавалась въ своей любви къ кирасирамъ, у которыхъ такіе длинные палаши... Отдавая по-военному честь, она маршировала толстыми ногами въ тѣлесномъ трико. И грудь, какъ молочный кисель, дрожала при этомъ.

Мнѣ сдѣлалось противно за нее, стыдно. Было что-то жалкое и оскорбительное въ томъ, что на нее никто не обращалъ вниманія. Никто не слушалъ. Всѣ болтали, смѣя-

О... я не пропустилъ ни одного слова. Ея припѣвъ:

«О, вы, мужья чужіе,
Вы, лучше своихъ мужей...»

Стоитъ у меня сейчасъ въ ухахъ. Я буду помнить его до самой смерти...

У меня было такое переживаніе, словно я—у позорнаго столба, и не только мое тѣло, но и мою душу обнажили и плюютъ въ нее, топчутъ, издѣваются, бросаютъ липкой грязью... Какъ я сидѣлъ, какъ я слушалъ,— не помню...

— Хотите позовемъ ее къ намъ,—Стасяку?—хвастливо предложилъ Шубовичъ.

— Итътъ, не надо, ради Бога не надо... поднималось во мнѣ.

Но вспыхнула мучительная болѣзненная жажда самобичеванія. И чѣмъ чудовищнѣй, тѣмъ лучше. Пусть... Пусть—позоръ до конца. Я скажу ей, тутъ же при нихъ,—все скажу... Брошу въ лицо...

Шубовичъ поманилъ къ себѣ лакея и что-то шепнулъ. А минуту черезъ пять къ нашей ложѣ, улыбаясь заученной, ремесленной улыбкой, подходила она. Взгляды наши встрѣтились. Она лишь на мгновение потеряла почву. Улыбка замерла на подкрашенномъ, еще не разгримированномъ лицѣ. Но пѣвчиха быстро оправилась.

— А, и вы здѣсь, вотъ не ожидала!—со смѣхомъ протянула она сверкающую кольцами руку.

Я еле дотронулся и ледянымъ убійственнымъ тономъ, пытаюсь вложить какъ можно больше презрѣнія,—въ отвѣтъ:

— Я тоже не ожидалъ васъ встрѣтить...

— Меня, ха, ха, вотъ глупости... Здѣсь такъ хорошо, весело. Видите, какіе у насъ гости. Это не какой-нибудь паршивенькій шантанъ вроде «Оазы»...

— Вы, кажется, знакомы. Однако, ай да пане Руцкій,—трунилъ Шубовичъ,—вотъ вамъ и монахъ! Кельнеръ, ступъ... Стася—шампанскаго, за мое здоровье. Я сегодня родился...

— Ты родился въ кабацѣ, это на тебя похоже...—чокнулась она съ Шубовичемъ.— А вы?—и посмотрѣла на меня вызывающе. Я отвернулся, весь клокоущій оскорбленнымъ бѣшенствомъ.

Она пожала плечами.

Появилось еще шампанское, появилась еще одна шансонетка—французенка съ острымъ колочимъ профилемъ. Я его сквозь туманъ видѣлъ этотъ профиль, сквозь туманъ слышалъ бьющій по нервамъ, дѣланный, визгливый хохотъ.

Часть нашей компаніи перекочевала съ французенкой въ сосѣдную ложу. Шубовичъ ушелъ куда-то, и на нѣсколько минутъ мы остались вдвоемъ съ нею. Я заставилъ себя на нее посмотрѣть, и уловилъ,—или это мнѣ почудилось,—госкующее выраженіе ея глазъ. Она встрепенулась и вновь была насмѣшливой, вызывающей:

— Послушайте, отчего вы такой скучный? Сердитесь?..

Я задыхался...

— Что я вамъ сдѣлалъ... За что вы такъ издѣваетесь надо мною? Вы мнѣ всю душу вывернули, вы меня обманули, растоптали мои мечты, надругались...

— Э, полно, какія тамъ мечты! Смотрите легче на жизнь, какъ я смотрю. Чѣмъ я васъ обманула: что вы мнѣ мужъ, любовникъ, я вамъ клялась въ вѣрности?..

— Замолчите, вы лжете, клеветаете на себя. Не знаю только, зачѣмъ? Зачѣмъ весь этотъ цинизмъ?..

— Что же дѣлать, когда я такая...

— Не правда, вы плакали, помните, тогда... ваша любовь къ дѣтямъ, вспомните кладбище, наконецъ, вчера... Я понимаю, все понимаю, и обстоятельства... Но вы, въ этомъ вертепѣ? Бросьте, есть время, уйдите отсюда, уйдемъ вмѣстѣ...

Смотрю,—у нея досадливая гримаса.

— Ахъ, не морочьте мнѣ головы! Хотите знать правду,—я все врала. И эти слезы, и разныя тамъ сентиментальности—одна комедія. И не приставайте ко мнѣ. Никуда я не уйду. Мнѣ здѣсь отлично, весело, много поклонниковъ. Служу въ кабацѣ, въ немъ и подохну. Чего вы такъ смотрите? Какой вы скучный, мрачный, терпѣть не могу такихъ! Ну чего вамъ отъ меня нужно?.. Хотите мое тѣло—оно у меня красивое,—мужчины хвалятъ. Приходите, берите, хоть завтра... Но не будьте такой скучный... Выпьемъ...

Разсудокъ мутился. Затравленный, обливающийся кровью, истерзанный звѣрь вспыхнулъ во мнѣ. Дрожащая рука слѣпо искала на столѣ ножъ, чтобъ вонзить его въ эту блѣдную, безстрастно сверкающую грудь...

Но я невѣроятнымъ усиліемъ задушилъ въ себѣ мстительный, дикій порывъ, вскопчилъ и, разбивъ вдребезги свой бокалъ, выбѣжалъ прочь...

Какъ я очутился на берегу Вислы,—хоть убейте, не помню. Шелъ улица за улицей, кварталъ за кварталомъ. Скорѣе бѣжалъ,—словно черные призраки гнались за мной ту-

чей. Уже свѣтлѣло. Утренній холодокъ. А мнѣ душно, воздуху не хватало.

Желтыя воды Вислы. Какая-то лодка плыветъ. Рыбаки что-ли.... Рваный, не мытый, заспанный людъ толпится у шинка. Еврей, осторожно выглядывая, не видать-ли городского,—впускаетъ по одному.

Я тоже вошелъ. Грязно, темно, воняетъ перегорѣлой сивухой...

— Перцовки!..

Я зналъ по наслышкѣ, что это едва-ли не самое крѣпкое пойло.

Хлопнулъ большую рюмку, за ней другую, третью и, — какъ видите... Такъ и пошло...

Въ то проклятое утро я похоронилъ въ себѣ человѣка, любовь, похоронилъ все чистое, прекрасное, святое.

Я опускался и падалъ все ниже и ниже. Со службы прогнали. Я скитался форменнымъ босякомъ, кочевалъ изъ Одессы въ Ростовъ, изъ Ростова въ Москву. Тамъ жилъ, если только можно назвать это жизнью, мою пьяную собачью канитель. Москва научила меня хорошо говорить по-русски....

Вотъ какую роль сыграла первая и послѣдняя женщина, которую я полюбилъ. Я ее продолжаю любить, я не знаю, гдѣ она, что съ нею, жива-ли,—но забыть не могу.

Бываютъ непонятныя женщины. Разберитесь въ такомъ сфинксѣ. Гдѣ искренность, правда? Въ томъ-ли очаровательномъ существѣ, что появилась такимъ свѣтлымъ видѣніемъ? Или въ циничной шансонеткѣ, въ пять минутъ превратившей меня изъ молодого, полнаго надеждъ, въ пьяное животное, которое сейчасъ вамъ докладываетъ всю эту исторію... Гдѣ?

Я вѣчно задаю себѣ этотъ вопросъ. Это мое мученіе и моя радость. И порою мнѣ кажется, что мое безжестово дышало все искренностью, а пѣвчиха умышленно оклеветала себя. Быть можетъ, и сама казнилась въ эти минуты,—но какъ изломанная, съ больною душою, издерганными нервами, существо... Надо понять... И знаете, что я вамъ скажу: вы удивитесь. На другой же день вечеромъ посыльный принесъ пакетъ... Въ немъ лежало мое бѣлье, аккуратно зачипенное, заштопанное...

Вотъ вамъ мой романъ. Что же еще,—кажется все.

Лѣтними днями, когда солнышко, я забираюсь куда-нибудь въ глушь, тамъ, гдѣ травка, гдѣ летаютъ стрекозы... И вспоминается мнѣ знойный день въ Варшавѣ...

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Со снимка фотографа журнала «Огонекъ» К. К. Булла.

Подъемъ воздушнаго змѣя.

12-го сентября демонстрировался воздушный змѣй полк. Ульянова. Въ подвѣшенной корзинѣ подымались: г-жа Новоторкова и маленькій гимназистъ—сынъ авіатора Уточкина.

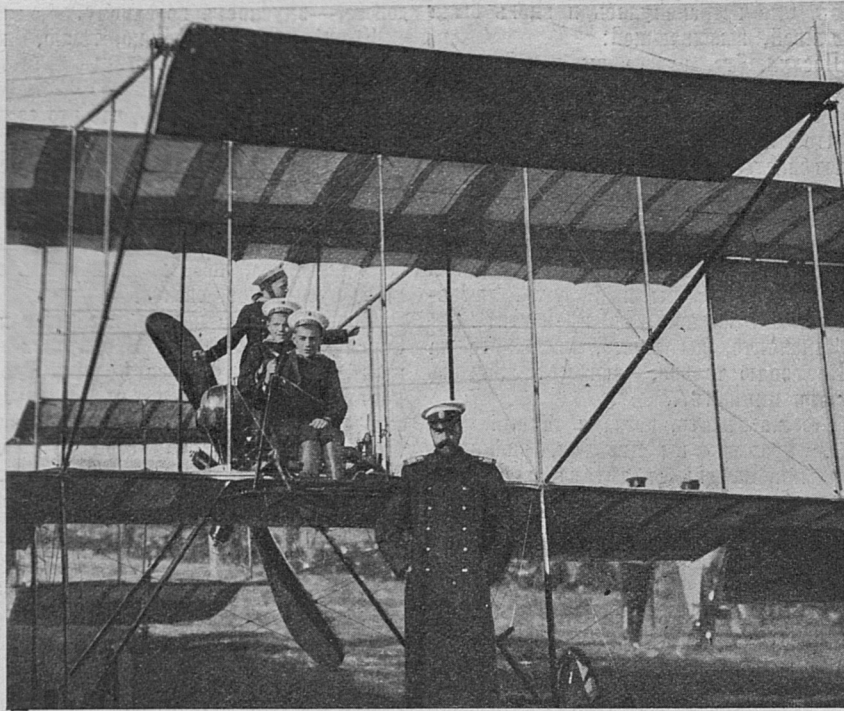

Паденіе С. И. Уточкина съ аэроплана.

12-го сентября, во время подъема воздушнаго змѣя, летавшій С. И. Уточкинъ не замѣтилъ протянутой по всему полю веревки отъ змѣя и съ силою натолкнулся на нее. «Фарманъ» поломался, самъ же авіаторъ, соскочившій въ канаву, остался невредимъ.

Всероссійскій праздникъ воздухоплаванія въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ К. Булла и В. Буянова.

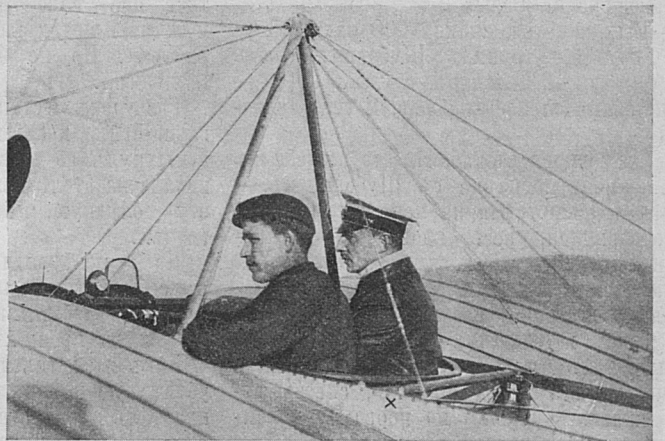
Е. И. В. Великій Князь Александръ Михайловичъ съ августѣйшими дѣтьми.

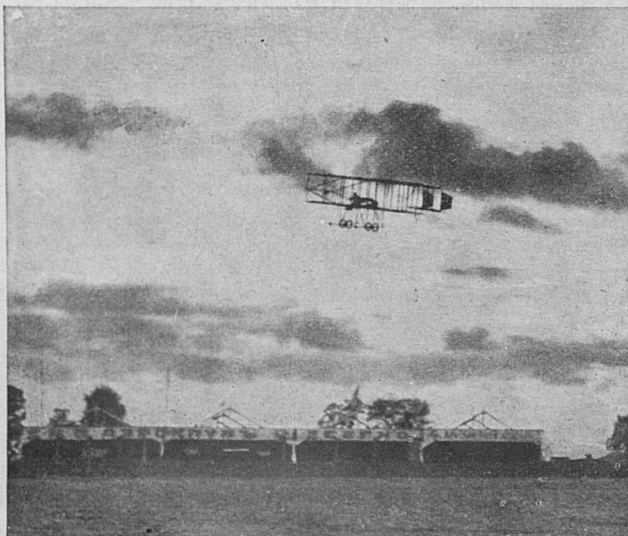
Полевой телефонъ, устроенный на аэродромѣ въ виду его обширности (5 верстъ). Такіе же телефоны употребляются на войнѣ и во время маневровъ.

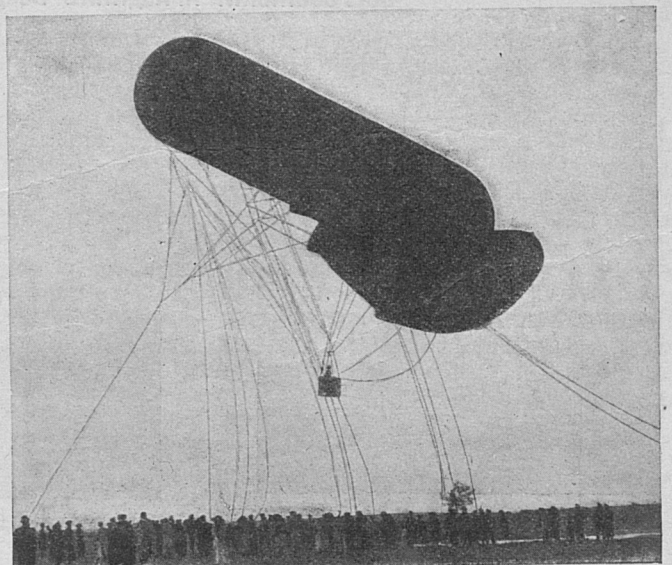
Д. т. с. Голубевъ, товарищъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, около аэроплана, готоваго къ полету.

Авиаторъ лейтенантъ Піотровскій, полеты котораго отличаются большой отвагой, на аэропланѣ со своимъ механикомъ.

Полетъ поручика Руднева.

Змѣиновый аэростатъ поднимается на проволочномъ проводѣ.

Всероссійскій праздникъ воздухоплавания въ С.-Петербургѣ.

Со снимковъ В. Буянова.

Авиаторъ Уточкинъ.

Литераторъ Н. Н. Брешко-Брешковскій, совершившій отважный полетъ на аэропланъ съ Ефимовымъ на высотъ 400—500 метровъ.

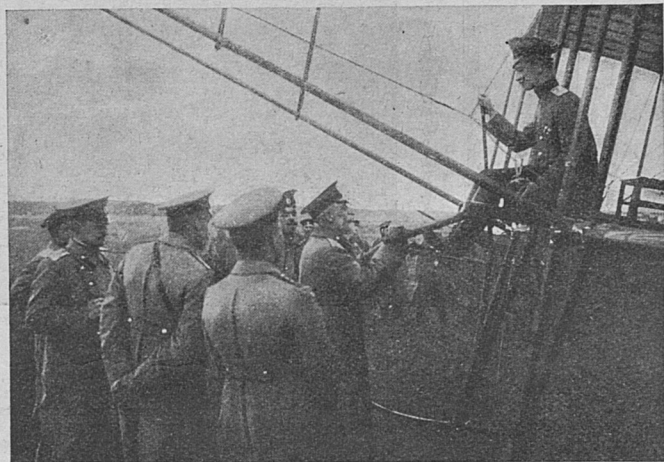

Катастрофа съ авиаторомъ А. А. Кузьминскимъ 11-го сентября.

Рисунокъ съ натуры художника журнала «Огонекъ» С. В. Животовскаго. публикъ замѣтили, что съ механической птицей творится что-то неладное. Вмѣсто поворота, аэропланъ стало относить за трибуны въ сторону, гдѣ стояли экипажи. Еще моментъ — и чудовищная стрекоза ринулась стрѣлой съ пятидесятиметровой высоты вниз и впиалась въ рыхлую землю Комендантскаго поля, зацѣпившись крыломъ за березу. Несчастный авиаторъ, красивыми и смѣлыми полетами котораго за нѣсколько минутъ любовалась публика, былъ извлеченъ изъ-подъ обломковъ аппарата съ изуродованнымъ лицомъ и сломанной рукой.

Это былъ одинъ изъ удачливѣйшихъ дней русскаго праздника воздухоплавания. Настояшій праздникъ и торжество русскихъ летуновъ. Выучившіеся въ одно лѣто управлять сложными аппаратами механическихъ птицъ, наши летуны поражали публику и ловкостью, и опытностью, и необыкновенной отвагой.

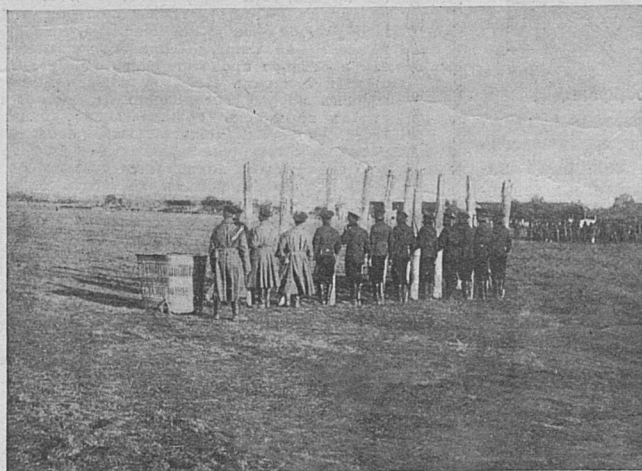
Радостное настроеніе многотысячной публики омрачилось роковымъ паденіемъ страстнаго спортсмена, молодого авиатора, стяжавшаго уже славу въ Европѣ, А. А. Кузьминскаго. Когда его аппаратъ Елеріо приближался къ трибунамъ, около которыхъ обыкновенно дѣлается поворотъ, въ

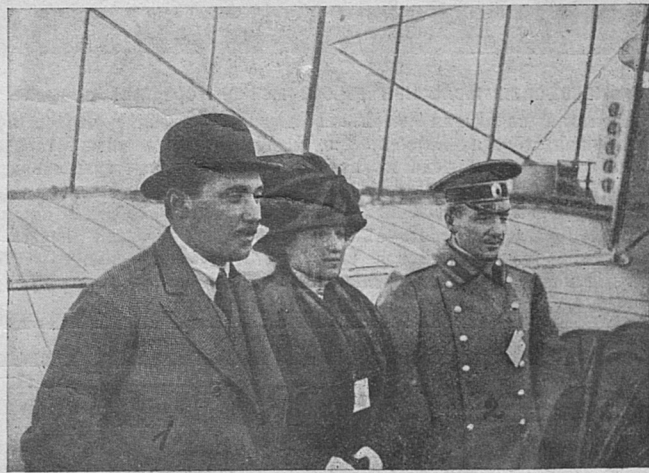
Ген.-м. А. М. Кованько бесѣдуетъ съ поручикомъ Рудневымъ передъ полетомъ.

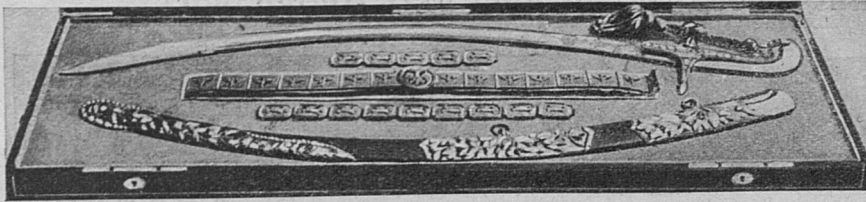
Пробуютъ моторъ у аэроплана «Авиатинъ» передъ полетомъ.

Солдаты приготовились развернуть и запустить воздушный змѣй системы полковника Ульянина.

Авиаторъ фонъ-Крумъ (1) и поручикъ Бахмутовъ (2) передъ полетомъ послѣдняго вмѣстѣ съ Ефимовымъ.

Почетная сабля короля черногорского.

Во время недавних черногорских празднеств королю Николаю была поднесена почетная сабля с дорогою художественною чеканкой. Дарь армии—одинъ изъ многихъ, полученныхъ королемъ-юбиляромъ.

Склоняются къ алтарямъ алыя хоругви...
Рядомъ со мной — золотистая головка...
Вспоминается кладбище, тѣ двое старичковъ... Мы пьемъ чай въ моей команатѣ и она говоритъ, что любить мою маму за то, что она дала мнѣ жизнь... И при этомъ глаза, грустные... грустные...

Вспоминается мое такъ быстро отгорѣвшее утро... И плачу я крупными дѣтскими слезами... Оплакиваю свои разбитыя, растоптанныя грезы...

Ник. Брешко-Брешковскій.

Осенней свѣжестью пахнуло...
Какъ городъ весело звенитъ!
Но пѣснѣ праздничнаго гула
Не вѣрять царственный гранитъ.
Неву надменно опоясавъ,
Онъ грезитъ славою былой...

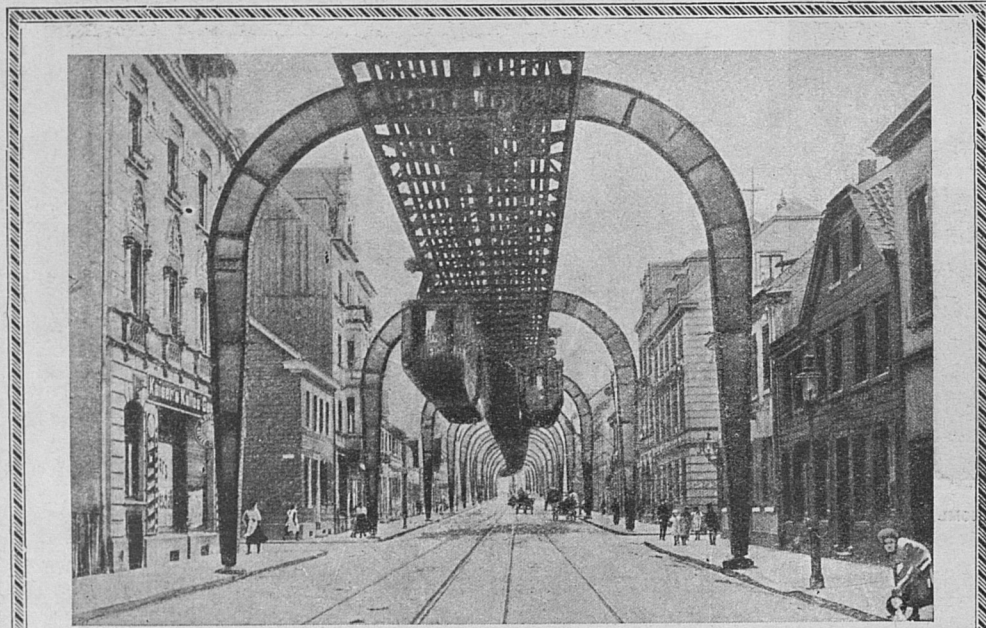
Гдѣ Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ,—
Ему гремѣвшіе хвалой?
Пусть электричество, колдуя,
Бросаетъ лунные лучи,—
Въ нихъ только призракъ поцѣлуга
И ласки ихъ не горячи.
Приливамъ жизни и отливамъ
Такъ чужды звуки вѣщихъ струнъ
Въ порывѣ тщетномъ и шумливомъ
Кружится будничныи бурнъ.
Трамвай, обманывая взоры,
Зоветь на путь желѣзныи свой;
Несутся бѣшено моторы
По деревянной мостовой...
Куда летятъ? И власть кака
Къ какому манитъ торжеству?...
Такъ вихрь осенній, набѣгая,
Уноситъ мертвую листву.

К. Львовъ

Летающій велосипедистъ.

Велосипедъ-аэропланъ отнынѣ станетъ излюбленною мечтою всѣхъ подростковъ; это—только игрушка, но сколько въ ней заманчивости для юнаго ума! Для «окрыленія», какъ видно изъ нашего рисунка, употребляется трехколесный велосипедъ, снабженный пропеллерами и боковыми «планами». При благоприятномъ вѣтрѣ авіаціонныя приспособленія сообщаютъ громоздкому, но устойчивому трехколесному велосипеду легкой, спокойный и замѣчательно быстрый ходъ.

Надвѣсная желѣзная дорога между городами Бармень и Эльберфельдъ.

Знаменитая надвѣсная желѣзная дорога, соединяющая города Бармень и Эльберфельдъ, будетъ продолжена къ излюбленному дачному мѣсту эльберфельдцевъ, живописной деревнѣ Деннеборнъ. Очевидно, надвѣсная желѣзная дорога за десять лѣтъ своего существованія вполнѣ доказала свою пригодность для массоваго передвиженія. Тѣмъ уди-

вительнѣе, что ею не воспользовались ни въ какихъ иныхъ городахъ, хотя преимущества этой системы очевидны: она занимаетъ ничтожную часть улицы, не мѣшая ни движению экипажей, ни пѣшеходамъ. Такъ какъ на воздухѣ нечего опасаться какихъ-либо столкновеній, то сообщеніе приобретаетъ наибольшую быстроту и безопасность.

Огнелюбивый человѣкъ.

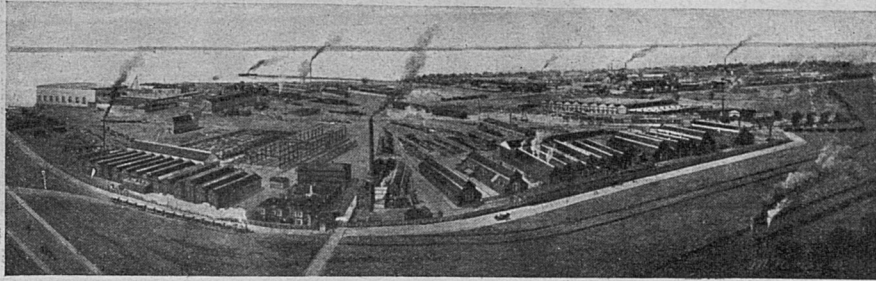
Возможность «стрѣлять ртомъ» угрожаетъ въ будущемъ далеко не угѣшительными послѣдствіями. Остается лишь надѣяться, что такая стрѣльба еще долго останется достояніемъ искусниковъ, подвизающихся на театральныи подмосткахъ. Мелкокалиберные револьверы, вслѣдствіе своего небольшого размѣра, легко могутъ быть скрыты всякимъ, покушающимся на убійство; тѣмъ не менѣе, предательское движеніе руки, хватающейся за оружіе, предупреждаетъ, — и зачастую во время, — объ угрожающей опасности. Изобрѣтеніе фокусника Неймана, воспроизводимого на нашемъ снимкѣ, устраняетъ и это послѣднее препятствіе для убійцы. Стрѣляющій аппаратъ Неймана можетъ быть помѣщенъ во рту совершенно незамѣтно. Выстрѣлъ поражаетъ полную неожиданностью. Пуля, которая можетъ быть доведена до размѣровъ пушечной, вылетаетъ съ огромною силой; дымъ поднимается густымъ облачкомъ. Стрѣльба можетъ достигать большой мѣткости. При малѣйшей неосторожности или ошибкѣ выстрѣлъ поражаетъ самого стрѣлка; кромѣ того, взрывъ пороха во рту дѣлаетъ пользование аппаратомъ доступнымъ лишь для человѣка съ исключительно крѣпкими нервами и мускулами.

ЛЮБИТЕЛИ-ФОТОГРАФЫ

приглашаются доставлять въ Редакцію журнала «Огонекъ» СНИМКИ съ событій и происшествій, представляющихъ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕСЪ, а также ЖИВЫЕ (во время занятій и развлеченій) ПОРТРЕТЫ выдающихся дѣятелей въ областяхъ политической и общественной и на поприщѣ искусствъ.

Одесская Фабрично-заводская, художественно-промышленная и сельско-хозяйственная выставка.

Общество Судостроительных, Механических и Литейных заводов в Николаеве (Херсонской губ.).

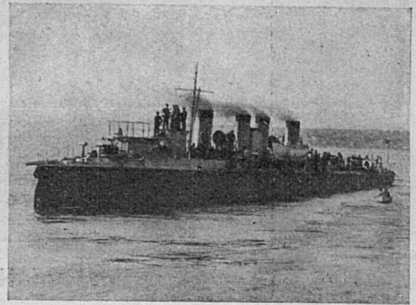

Общий вид судостроительных, механических и литейных заводов в Николаеве.

Общество Судостроительных, Механических и Литейных заводов в Николаеве основано в 1895 г.

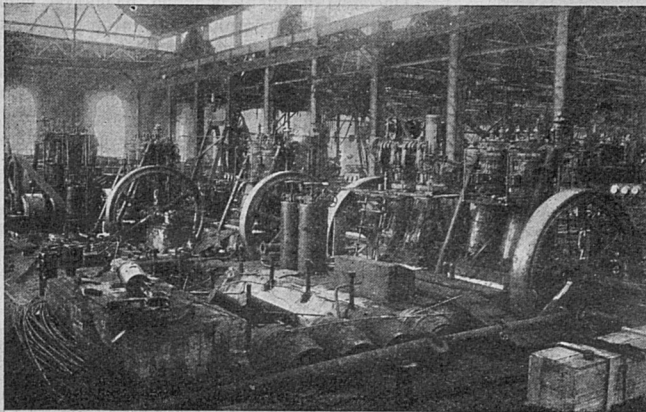
В 1896 году было приступлено к постройке

Два центральные электрические и гидравлические станции, снабжающие энергией мастерские и завод, с мощностью—одна около 3200 сил, другая в 1000 сил.

Эскадренный миноносец.

Вспомогательные службы, как-то: инструментальная мастерская, химическая и механическая лаборатории, больница, столовая для рабочих, жилые дома и пр.

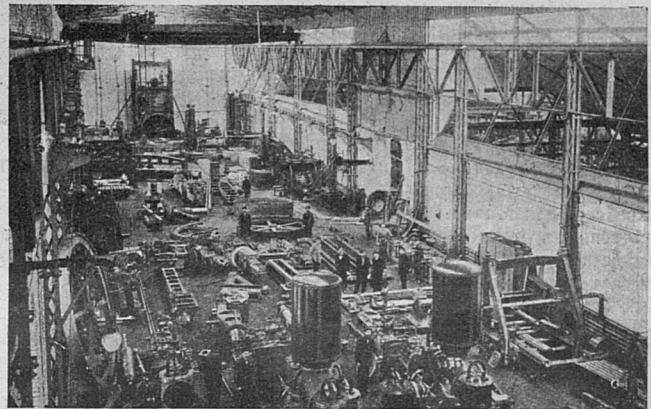

Сборочная Двигатель-моторовъ.

мастерских, эллингов завода и их сооружение закончено в 1897 году.

С тех пор заводы постепенно расширялись и в настоящее время занимают площадь около 75 десятин.

На заводах Общества Судостроительных,

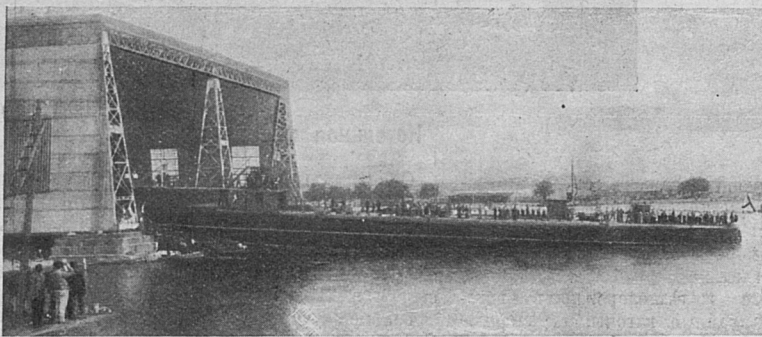
Малая механическая мастерская.

Модельная мастерская, сталелитейная, чугунолитейная, кузнечная мастерская, оборудованная паровыми молотами и сильными гидравлическими прессами, 3 механические мастерские с богатым оборудованием, котельная мастерские для постоянных, судовых и паровозных ко-

Железнодорожная станция и сеть заводских ширококолейных и узкоколейных рельсовых путей.

Пристань с береговым краном подъемной силой в 80 тонн.

Обладая с самого основания заводов обшир-

Спуск эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаковъ».

Механических и Литейных заводов в Николаеве могут работать в настоящее время до 8 тысяч рабочих. Годовой оборот заводов достигает 10.000.000 руб.

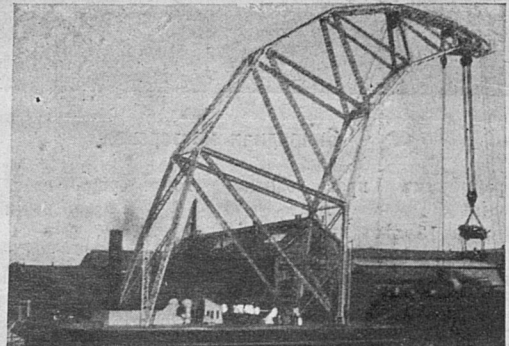
Заводы состоят из следующих самостоятельных отделов и мастерских:

ловь, медно-котельная, мостостроительная мастерские, вагонная, стрелочная, штамповочная, снарядная.

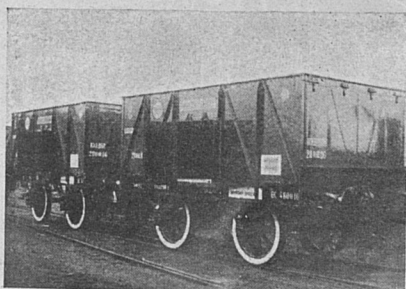
Судостроительные мастерские с крытыми стапелями, приспособленные для постройки самых больших кораблей.

ным техническим персоналом, заводы сразу заняли одно из первых мест в судостроительной и машиностроительной промышленности.

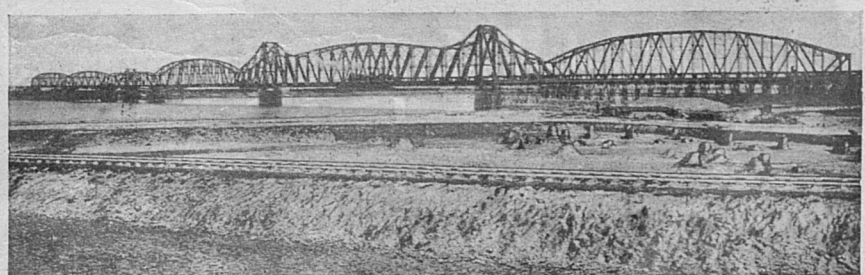
На заводе были построены следующие военные суда: контр-миноносцы и эскадренные миноносцы: «Лейтенант Шестаковъ», «Лейте-

Плавучий кранъ.

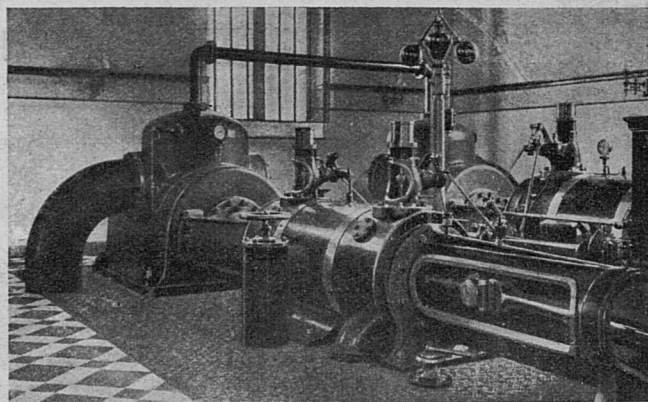
Вагоны для перевозки угля,

Общий вид съ моста черезъ рѣку Бурзань.

Зерновой элеваторъ въ Николаевѣ.

Паровая машина системы Ванъ-Денъ-Кернове.

пантъ Зацаренный», «Капитанъ Барановъ», «Капитанъ Сакенъ», «Звонкій», «Завѣтный», «Задорный», «Зоркій» и «Завидный».

Механизмы для броненосцевъ: «Пантелеймонъ» (бывшій «Потемкинъ»), «Св. Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ» и для крейсера «Память Меркурія» (6500 тоннъ, 23,000 силъ, скорость 24,6 узла, побившая европейскій рекордъ крупныхъ судовъ, снабженныхъ поршневыми паровыми машинами).

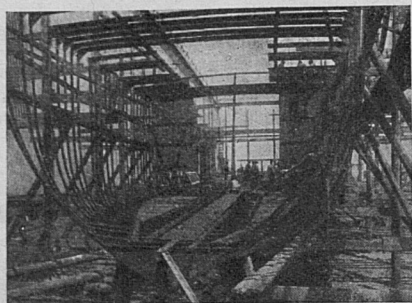
Кромѣ того на заводѣ были построены: болѣе пятидесяти различныхъ мелкихъ судовъ для Морского и Военнаго Вѣдомствъ.

Землечерпательницы, шаланды, ледоколы и разные пароходы для обслуживания портовъ и рѣкъ и для пассажирскаго и товарнаго движенія.

2 крейсера для Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ.

Развѣздной катеръ для Болгарскаго Князя.

Сейчасъ строится на заводѣ подводная лодка,

Постройка парохода «Малороссія».

Кругобайкальской, для Окружной Московской и для всѣхъ южныхъ дорогъ.

Особенно выдающимся является мостъ Астраханской желѣзной дороги черезъ р. Бурзанъ (ру-

вокъ для водоснабженія портовъ и городовъ. Много постоянныхъ машинъ, локомотивовъ и станковъ. Подъемные краны и приспособленія.

Артиллерійское и минное вооруженіе: лафеты, минные аппараты, снаряды разнаго рода.

Сооруженіе большого зернового элеватора въ Николаевѣ.

Оособую и очень широко развитую специальность заводовъ составляютъ моторы Дизеля.

Независимо отъ собственныхъ техническихъ силъ, Николаевскіе заводы, слѣдя за работою иностранныхъ крупныхъ заводовъ и выдающихся инженеровъ, заключили рядъ соглашеній, благодаря которымъ пользуются содѣйствіемъ по разнымъ специальностямъ первоклассныхъ европейскихкихъ фирмъ.

Общество Судостроительныхъ, Механическихъ и Литейныхъ заводовъ въ Николаевѣ является однимъ изъ первыхъ въ Россіи, начавшихъ вывозить свои издѣлія за границу.

Снарядная мастерская.

по размѣрамъ превосходящая всѣ существующія.

Всего за 13 лѣтъ построено 120 судовъ.

На заводѣ сооружены также: башенныя установки для броненосца «Св. Пантелеймонъ».

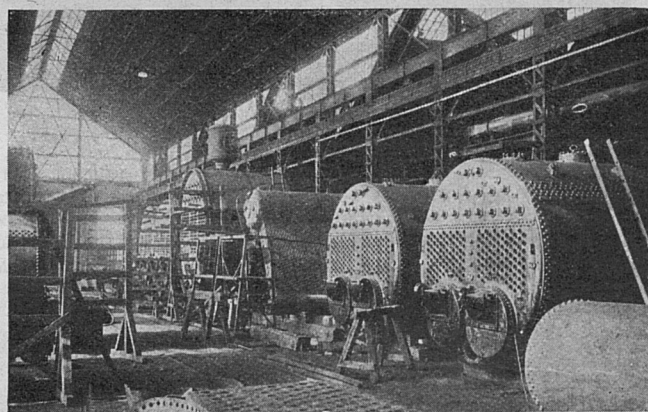
Изъ другихъ работъ назовемъ:

Большое количество мостовъ для многихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и въ томъ числѣ для Вологодъ-Ватской, для Вологодъ-Сѣдлецкой, для

кавъ Волги), длиною 320 сажень, съ двухколейными главными фермами, длиною 112 сажень и съ поворотной частью.

Сотни котловъ, морскихъ, паровозныхъ и для промышленныхъ цѣлей.

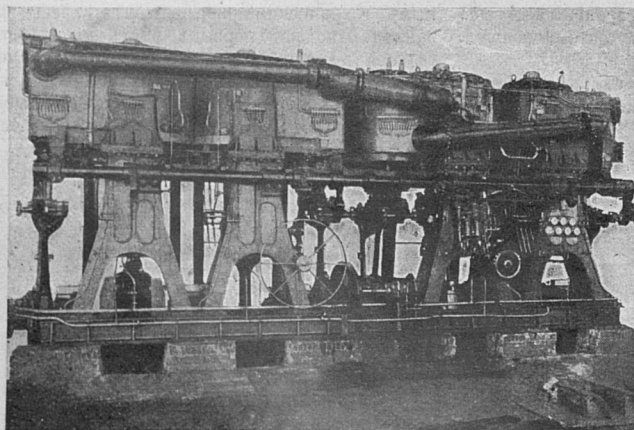
Паровозы, тысячи желѣзнодорожныхъ вагоновъ, а также трамвайные вагоны, стрѣлочныя переводы. Водоснабженія для большого числа желѣзнодорожныхъ станцій. Нѣсколько устано-

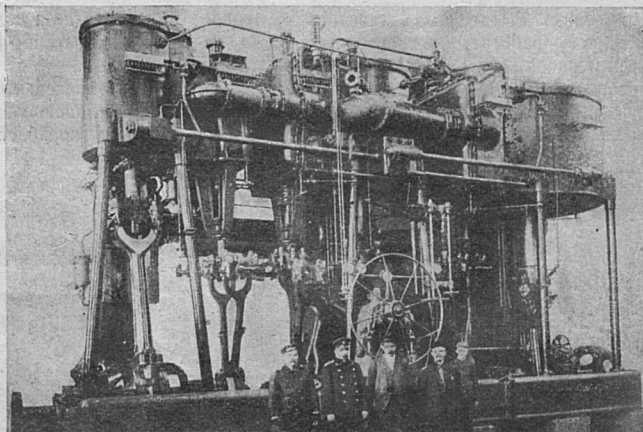
Котельная мастерская.

Общество имѣло крупные заказы для Италіи, для Болгаріи, въ настоящее время оно строитъ мосты для правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Румыніи и ведетъ переговоры съ нѣсколькими иностранными правительствами на поставку желѣзнодорожныхъ вагоновъ.

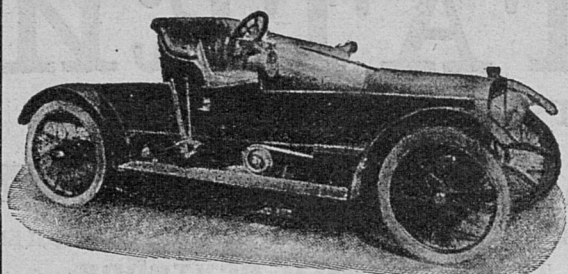
Главное управленіе общества находится въ С.-Петербургѣ.

Одна изъ машинъ крейсера «Память Меркурія».

Одна изъ лучшихъ машинъ для броненосца «Іоаннъ Златоустъ».

Английскій магазинъ автомобилей „Даймонда“,

обращая благосклонное вниманіе публики
на ихъ высшее качество, предлагаетъ
приобрѣсти ихъ по умеренной цѣнѣ.

СПБ., Каменноостровскій пр., д. 16. Телѣф. № 90—47.

АГЕНТЫ.

Для совершенно новаго дѣла, крупная фирма ищетъ агентовъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и городамъ, за исключеніемъ Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Кіева и Риги, гдѣ таковыя уже имѣются. Занятіе дастъ постоянный крупный заработокъ, капитала не требуется. Предложенія адресовать: Л. И. Ганелину, Кіевъ, Пушкинская, 22.

ТРЕБУЙТЕ иллюстр. прейсъ-курантъ на открытыя письма, альбомы и т. п. новости. Образцы 100 разн. новог., рожд., трет. гал. за 2 р. Адр.: ПРЕСАЙЗЕНУ, ВАРШАВА, ул. СВ. ГЕОРГІЯ.

Въ настоящее тревожное время

забота о своемъ здоровьѣ—обязанность не только личная, но и общественная. Если къ тому же вспомнить поговорку англичанина: «Я не такъ богатъ, чтобы покупать плохую вещь», то желая сохранить здоровье и соблюсти экономію, Вы не въ правѣ покупать подержанную постель, которая сплошь и рядомъ передѣлывается и перекрашивается. Чѣмъ болѣе пользовавшійся раньше этой постелью, Вы не знаете, а относительно прочности распространяться безусловно не приходится. Безукоризненные гигиеническіе матрацы и изящнѣйшія кровати на всякія цѣны изготовляетъ фабр.

А. Е. ПРѢЛОВСКАГО,

СПБ., Тургеневскій пр., № 7, с. д

- 1) Главн. магазинъ: Гороховая, 27, у Нам. моста.
- 2) Загородн., 15, у Пяти угл.
- 3) Симеоновская ул., 6, уголъ Моховой, у церкви.

Желудочные наборы травъ

какъ кровоочистительное и кровотворящее средство, пѣлебны: отъ катарра желудка, ревматизма, безсилія, сифилиса, малокровія и проч. бол. Цѣна за коробку 2 руб. безъ перес. Г. Гаммеръ, Москва, Б. Прѣсна, № 13. Треб. брошюру.

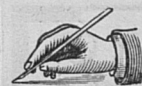
Владѣльцамъ ГРАММОФОНОВЪ
Высылаю Новость бесплатно К. ЭРЛИНГЪ, С.-Петербургъ, Поварской перууль, № 10. Смотри объявленіе „Огонекъ“ № 34.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылаю бесплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Бутырки, Сергіевскій пер., д. № 11, кв. 51. П. КОМИСАРЕНКО.

Требуйте бесплатно

подробный иллюстрирован. прейсъ-курантъ резиновыхъ издѣлій необходимыхъ каждому (каждой). Въ запечатан. конвертѣ за 2 семкош. марки. СПБ., Ивановская у., д. 3. кв. 19. М. Малкинъ.

ЗАЧО выуч. писать крас. скор. Мет. ул. мас. благ. За 14 к. марк. высл. пр. пис. услов. Профес. кал. Б. Мишнавовскому. Варшава, Медовая, 18-0.

БОЛЬНЫЕ

запомните адрес, гдѣ можно получить діетическій ПАНСІОНъ а также необходимый для больныхъ СПРАВКИ о врач. и лечебникахъ врем. приема и др. подр.

Пресенты высл. за три 7-ми нов. картинъ 1-я в Россіи электро-физико-озонотич. кабинет пол фир. ГИДРОАНТИВНЫЙ СТАТИЧЕСКІЙ ОЗОН. Москва, Арбатъ 35. 35-3.

Ж. д'Альберъ. Новая Книга „КУРТИЗАНКА“

(Преступная страсти). Пикант. романъ съ иллюстр. внѣ текста, ярко рисующій интимную жизнь полу-свѣта современнаго Парижа. Цѣна съ перес. и налож. плат. 1 р. 25 к. Съ требованіями обращаться въ Кн-во „ЭВРИКА“, С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., 69, кв. 5. Отд. № 6.

СТРАДАЮЩИМЪ

половымъ безсиліемъ, венер. болѣзн., сифил., чахотк. легк., ревмат., алког. д-ръ медиц. Ершовъ предлагаетъ бесплатные медицинск. совѣты. Спб., Артиллерійская, 2—15, кв. 1, писем. и лично отъ 6 до 8 час. веч., ежедневно кромѣ праздниковъ.

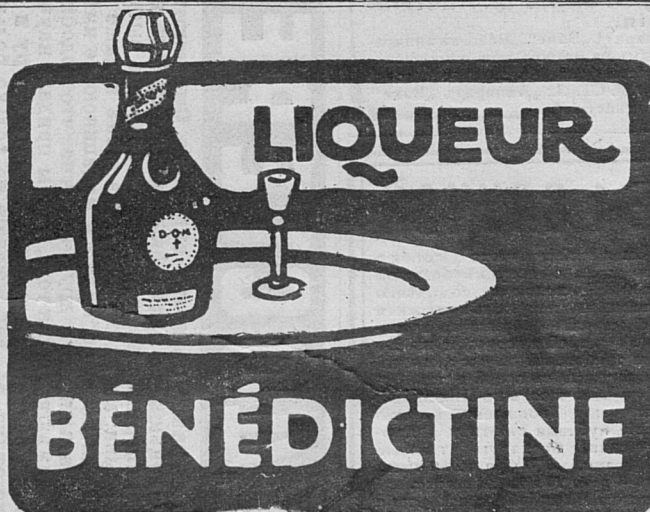
100 художств. открыт. писемъ разныхъ сюжетовъ и изображеній заграничной работы высылаю за 2 р. 20 к., 3 р. 40 к. и сам. луч. сорта 4 р. 40 к. (съ пер.). Можно и по 50 шт., налож. плат. В. Гольдширфтъ. Варшава, Твердая 23—0.

Міръ половыхъ страстей.

Соч. д. мед. А. Гильденбрандта. Замѣчательная книга для лицъ обо-его пола, рисующая въ яркихъ краскахъ самыя разнообразныя картины половой жизни. Въ этой книгѣ указаны средства, возбуждающія половую дѣятельность. Цѣна 1 руб. Съ перес. и нал. плат. по желан. въ закр. конв. 1 р. 25 к. С.ПБ., Рузовская ул., д. 19, кв. 6. отд. 2. Д. Браудо.

ДАРОМЪ

высылаемъ каждому 15 цѣнныхъ предметовъ. За упаковку и пересылку уплачиваетъ заказчикъ 75 к. при полученіи. Если предметы почему-либо окажутся для заказчика неподходящими, то таковыя принимаются обратно и возвращаются немедленно уплаченныя деньги за пересылку. Требов. адрес.: Лодзь, почт. ящикъ № 129, Т-ву „КОММЕРЦІЯ“.

ГИПНОТИЗМЪ

Полный практическій курсъ извѣстнаго гипнотизера доктора Эртля въ одной книгѣ вполне законченной и не нуждающейся ни въ какихъ добавочныхъ лекціяхъ переводъ подл редакціей приватъ-доцента Кіевскаго университета А. Грена. Не впадайте въ новую ошибку, не надо впередъ платить 12 р., теперь книга высылается безъ задатка налож. плат. только за 1 р. 75 к. и заключаетъ въ себѣ 272 стр. большого формата и 31 научн. рисунка. Вместе ден. можно выс. марки.

Адр.: Москва, Лубянская площ., д. 1, кв. 8, книжн. маг. „Надежда“.

ЛУЭСЪ

ПРОСТОЙ, СКОРЫЙ и ДЕШЕВЫЙ СПОСОБЪ ЕГО ЛЕЧЕНІЯ, БЕЗЪ ПРИМѢНЕНІЯ ІОДА и РТУТИ.

НАБОРОМЪ изъ ТРАВЪ разрѣшеннымъ къ повсемѣстной продажѣ. Брошюра, составленная на основаніи научныхъ данныхъ и практическыхъ наблюденій А. С. БУХБИНДЕРОМЪ (7-е исправленное и дополненное изданіе), высылается въ открыт. конвертѣ за 35 коп.— въ закр. за 56 коп. (возж. почт. марк.). ♦ ВРАЧАМЪ БЕЗПЛАТНО. ♦ Контора и складъ изданія: МОСКВА, Больш. Царницкая, д. № 3, кв. 9, А. С. Бухбиндеру. Телефоны 239-62.

Торговый Домъ
КОНЧАЕВЪ и К^о.
Гостиный Дворъ
129.

Телефонъ № 454—53.

ОСТАТКИ

ШЕРСТЯНЫХЪ МАТЕРІЙ

КРАЙНЕ ДЕШЕВО

будутъ продаваться какъ и въ прошлые годы
нѣскольکو дней съ **20-го сентября.**

НВ. Шелковыя и шерстяныя новости получены въ полномъ выборѣ.

МОЛОКО

ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

отъ коровъ, находящихся подъ контролемъ правительственнаго инструктора.

Доставляется на домъ во всѣ части города по 10 к. за бутылку.
ДѢТСКОЕ МОЛОКО
отъ коровъ испыт. туберкулиномъ по 12 к. бут.

Ферма Товарищ. Сельск. Хоз. СПБ., Греческій пр., № 5. Телеф. 463—28.

ФОТО графическ. оригинальн. снимки парижск. жанр. Каталогъ и 20 интересн. образц. высылаю въ закрытомъ письмѣ за 60 к. почтовыми марками. Большой выборъ по 3 р., 5 р., 10 р.
O. MESSIK, BULVAR ST. MARTIN, Nr 27. PARIS (Франція).

ГРОМАДНОЕ ОТКРЫТИЕ

**** ВЪ МУЗЫКѢ. ****
Каждый слабо играющій на роялѣ при помощи моей гимнастики въ 1 мѣсяцъ можетъ дойти до громаднхъ размѣровъ техники. Марка на отвѣтъ. Ж. БЗОВСКИЙ, г. КѢЛЬЦЫ.

ДАРОМЪ

получаетъ брошь или булавку на фото-эмали каждый, заказавшій художественно-увеличенный портретъ размѣромъ 10×12 в. въ красномъ паспарту и рамѣ съ упаковкой задр.; такой-же 12×15 в. 6 р.; акварелью 10×12 в. 4 р.; 12×15 в. 8 р., срокъ 15 дней. Перес. наложен. платеж. за счетъ заказчика.

Художеств. ателье и фотография

Д. И. Быстрова,

С.-Петербургъ, Невскій пр., 120.

ВЫРЪЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ.

ДЫРА

на нижнемъ бѣдѣ, на занавѣскахъ и гардинахъ, а главное въ чулкахъ и носкахъ можетъ быть заштопана необычайно просто и красиво въ 2—3 мин. новыми пятки и носки легко вывязать въ ¼ часа нов. механ. штопальн. аппарат. **„ВЕА“.** Цѣна безъ пер. 1 р. 85 к. Един. скл. для Россіи Р. ВИТТЪ, СПБ., Камен. Остр. 4-Б-1.

СИЛА и БОГАТСТВО въ КРАСОТѢ.

Употребленіемъ аппарата „Вике“ системы д-ра Гарманъ, патентъ за № 869086 для лица, шеи, рукъ и всего тѣла. Каждая дама, обладающая этимъ чудодѣйственнымъ маленькимъ аппаратомъ, застрахована отъ потери своей красоты. Изумительная прелесть этой научной системы сохранения красоты и удивительная быстрота, которой достигается великолѣпный цвѣтъ тѣла,—положительно превосходятъ всякія Ваши смѣлыя ожиданія. Однимъ приемомъ этой замѣчательной капсулы достигаются поразительные результаты: прыщи, угри и т. п. беслѣдно исчезаютъ,—спустя минуту. Нечистота крови и кожи вытягивается крѣпкимъ атмосфернымъ давлениемъ. Впалыя щеки, слабыя руки и шея приобретаютъ поразительно быстро полную крѣпость формъ. Аппаратъ „Вике“

дѣйствуетъ непосредственно на циркуляцію крови, вводитъ въ организмъ свѣжую кровь, укрѣпляетъ и освѣжаетъ мускулы, сообщаетъ кожѣ свѣжій розовый цвѣтъ, мягкость и упругость. Лишай, морщины, пятна и т. п. совершенно уничтожаются. Рекомендуются и мужчинамъ. Употребляется въ вышнихъ классахъ. Цѣна 4 руб. 90 коп. въ элегантномъ футлярѣ (можно почтовыми марками), налож. плат. на 50 коп. дороже. Адресъ:

Depot Hygienique, Rathhauser, Brodina M. Austria. Австро-Венгрія.

Оперная дѣвица А. Л. (Парижъ) пишетъ объ аппаратѣ „Вике“: „Вашимъ аппаратомъ и успѣшнымъ его дѣйствіемъ, достигнутымъ на второй день употребленія, я въ высшей степени довольна“. Баронесса фонъ Ф. Д. Висбаденъ: „Нахожу Ваше средство превосходнымъ“. Фр. М. СТ. З.: „Аппаратъ „Вике“ оказываетъ удивительное дѣйствіе“.

НАСТОЯЩ. ДЛИНА ЧАСОВЪ
ИМЕНОМЪ ТОЛЩИНЫ ЧАСОВЪ
Название часовъ „МИРАБЕЛЬ“ (см. рис. и фабр. марку).

ЕЩЕ 1 СЛУЧАЙ

Почтеннѣйшая публика читала сообщеніе нашего дома о закупкѣ большой партіи часовъ. Къ великому сожалѣнію мы вынуждены были нарушить контрактъ по причинѣ желанія фабриканта продавать часы по ста, ой высокой цѣнѣ. Въ виду массы требованій на часы, мы заключили контрактъ съ новой величайш. фабрикой карман. часовъ въ Швейцаріи и согласились на первое время, съ цѣлью ознакомленія публики съ этими выдающимися часами, продавать таковыя вмѣсто 80 франк. по 8 франк. 50 сант., т. е. по 8 руб. 15 коп. за штуку. Каждый желающій приобрести хорошіе часы по такой дешевой цѣнѣ долженъ воспользоваться случаемъ и заказать себѣ, такъ какъ мы не гарантируемъ за повышеніе цѣнъ.

Качество часовъ „МИРАБЕЛЬ“

Часы эти снабжены механизмомъ лучшей конструкціи. При одномъ заводѣ часы идутъ правильно 40 часовъ, фасонъ ихъ плоскій изъ черной порон. стали, зав. при головкѣ „Ремонтуръ“ съ красн. лифферлат. съ фабричн. гарантій на 5 лѣтъ, дамск. часы на 75 коп. дороже. Пересылка час. 45 к. въ Сибирь и Азіатск. Россію 70 к. При заказѣ не менѣе 8-хъ шт. въ одинъ разъ пересылка за счетъ склада. Заказы исполняются налож. плат. безъ задатка. Съ заказами можно обращаться и на русск. языкѣ. Адресовать: Экспортному Дому Густавъ Тешнеръ, Торнъ (Германія). Отд. 18. Письма въ Германію оплачив. закрыт. письма 10 к. марк., откр. 4 к. марк.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Увеличивающійся съ каждымъ днемъ спросъ на Сперминъ-Пеля вызвалъ въ послѣднее время появленіе множества малоцѣнныхъ поддѣлокъ, предлагаемыхъ подъ разными пожимки на Сперминъ-Пеля (сперматинъ, сперминомъ, епермоль, екароровскія вытѣжки, жидкости и т. д.), причѣмъ дѣйствіе ихъ самими поддѣльщиками ставится „наравнѣ и даже выше“ Спермина-Пеля. Часто поддѣльщиками являются люди, ничего общаго не имѣющіе, какъ-то: содержатели аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазиновъ и друг. Понятно, что подобныя поддѣлки ничѣмъ общаго съ медицинной и научной вообще не имѣютъ, а для того, чтобы придать научный характеръ своимъ подражаніямъ, поддѣльщики въ своихъ рекламныхъ приводахъ приводятъ литературу и наблюденія врачей надъ дѣйствіемъ Спермина-Пеля, вводя этимъ въ заблужденіе не только больныхъ, но и даже гг. врачей.

Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ предупредить публику, наблюдая ученыхъ и врачей надъ подобными поддѣлками. Въ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія ученыхъ и врачей надъ благопріятнымъ дѣйствіемъ Спермина, при неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой драхлості, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ болѣзняхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, артеросклерозѣ, перебогахъ, миокардитѣ), артериосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленій и проч., относится исключительно къ Спермину-Пеля, а потому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и на фирму, такъ какъ это иное, какъ поддѣлки Спермина-Пеля, по дѣйствію съ нимъ ничего общаго не имѣющія, такъ какъ единственно настоящимъ сперминомъ является Сперминъ-Пеля, ФЛАКОНЪ 3 руб. Литерат. высылается по первому требованію безвозмездно.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
Профессоръ Докторъ Пель и Сыновья
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ.

Императорское С.-Петербургское Общество

Поощренія Рыскаго Коннозаводства.

Семеновскій — плацъ —

БЪГА.

Въ воскр., 19 сентября, приз. на сумму 21045 р.
„ вторн. 21 „ „ „ „ „ 9088 „

Въ четвергь, 23 сентября, приз. на сумму 10960 р.
„ воскр., 26 „ „ „ „ „ 15675 „

Всероссийскій

Праздникъ Воздухоплаванія,

организуемый Императорскимъ Всероссийск. Аэро-Клубомъ на аэро-дромѣ Русскаго Воздухоплаванія „КРЫЛЬЯ“. Сумма призовъ около 40,000 р.

Примуть участіе: Ефимовъ, Кузьминскій, Лебедевъ, Серго, капитанъ Мациевичъ, капитанъ Уляининъ, лейт. Шотровский, лейт. Рудневъ и др. Абонементные билеты на ложи и трибуны на весь праздникъ со скидкой 30%. Предварительная продажа билетовъ въ Центральной театральной кассѣ (Невскій просп., 23) и ея отдѣленіяхъ.

ДЛЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

необходимо примѣнять мыло **ГИГИЕНИЧЕСКОЕ И. Купчинскаго**, какъ прекрасно очищающее и **ПРЕДОХРАНЯЮЩЕЕ** при всѣхъ омовеніяхъ, подмываніяхъ и отъ излишней потливости. Цена куска 35 коп. Почтою высылаютъ Главный складъ П. Виноградова. Москва, Рождественка, д. 2, не менѣе 4 кус.; перес. отд. нал. платажемъ Спб., Аничк Апт. маг. Фонтанка, 60.

ВОПРОСОВЪ

Каждый легко можетъ
отвѣтить самъ:

- 1) Красивы ли Ваши волосы и лучше ли чѣмъ у Вашихъ знакомыхъ?
- 2) Падаютъ ли Ваши волосы?
- 3) Есть ли у Васъ перхоть?
- 4) Хотите ли Вы улучшить Ваши волосы?
- 5) Отчего Вы не употребляете регулярно

Перуин-Пето?

Всакій знаетъ, что только лучшее средство безвредно,
и ПЕРУИН-ПЕТО

дѣйствительно самое лучшее для волосъ.
Флаконъ всѣхъ—1 р. 75 к.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непременно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена парижская золотая медаль и приложенъ аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Въ остальныхъ безъ медали и безъ аттестата поддѣлки. Оптовый складъ: Базаръ Марокъ, СПб., Невскій пр., 20, кв. 30

„КАИРЪ“

„Числомазъ не счесть ихъ, не-обязаны,
Свѣжи, пріятны, ароматны“!!
Такое мнѣніе у всѣхъ“!
„Не брать „КАИРЪ“ нашъ —
это грѣхъ“!

Дядя Михай.

ПАПИРОСЫ

„КАИРЪ“

20 шт. 6 к.

Фабр. А. Н. ШАПОШНИКОВА,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

АТТЕСТАТЪ университета, золот. медаль вапочерки учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семикъ марокъ высылаю пробное письмо, образцы шрифтъ и условия. Одесса, Проф. Каллигр. Адольфъ КОССОДО, Дербасовская, д. Фаермана.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный ДѢТСКІЙ журналъ

ПОТЪШНЫЙ

издающій выходить съ 1-го октября 1910 года въ Москвѣ, подъ редакціей И. Д. ПЕТЕНЕ, при участіи заслуженнаго дѣтскаго писателя педагоговъ и художниковъ

ПОТЪШНЫЙ

журналъ ЛИНТЕРЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКІЙ и СПОРТИВНЫЙ. Цель его — вселѣть въ дѣтское сердце любовь къ искусству и здоровую радость бытія. Журналъ предназначается для дѣтей средняго возраста (отъ 9 до 13 лѣтъ)

ПОТЪШНЫЙ

будетъ издаваться по образцу дорогихъ ограниченныхъ дѣтскихъ изданій. Въ видѣ книжечки большого альбомнаго формата, съ большимъ количествомъ художественныхъ иллюстрацій, часть которыхъ будетъ печататься въ краскахъ

ПОТЪШНЫЙ

обсуждается по слѣд. Подписка плата (съ пересылкой) за годъ (считая съ 1-го окт.)—4 руб. за 1/2 года—2 руб.; за 3 мѣс.—1 руб. За границу вдвое

Для извѣщенія будетъ выслано ОСОБО-РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ (на саломной бумагѣ, съ палитрой на обложкѣ) 8 руб. за годъ

Редакция и квартира журнала „ПОТЪШНЫЙ“: Москва, Садовая-Спасская, Георгиевскій пер., д. 10 19

КАКАО ЭЙНЕМЪ

САМЫЙ ЗДОРОВЫЙ
УКРѢПЛЯЮЩІЙ
ПИТАТЕЛЬНЫЙ
НАПИТОКЪ.

ТРЕБУЙТЕ
ВЕЗДѢ.

АВТОМОБИЛИ

случ. разн. деп. прод. А. РАММЪ.
С.П.Б., Гороховая ул. 49.

Новая книга исключ. для вѣро-свѣдъ ДНЕВНИКЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОНАХИНИ

(Преступныя страсти).

Въ этой книгѣ яркими красками изображены интим. жизнь католическихъ монахинь и монаховъ, ихъ бытъ и безумныя оргіи. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ и выдерж. въ Англіи 30 изд. Выс. въ закр. пак. нал. плат. за 1 р. 50 к. Книгоизд. „Энергія“, СПб., Рузовская, 19, кв. 6, Отд. 2.

ЧУДО XX ВѢКА!

Вновь усовершенств. ручной аппаратъ „ПРАЧКА-АМЕРИКАНКА „НОЛУМБЪ“, стираетъ бѣлоснѣжно чисто всякаго рода бѣлье воздухомъ свѣже 200 штукъ въ часъ.

ОГРОМНАЯ ЭКОНОМІЯ ВРЕМЕНИ,
ДЕНЕГЪ И ТРУДА.

Стираетъ скоро, чисто и легко, предохраняетъ бѣлье отъ порчи, обраченіе удобно; величина менѣе аршина, необходимъ въ каждомъ домѣ и хозяйствѣ. Цена аппарата за одну штуку прежде 10 руб., теперь только 4 р. 55 к., 3 шт.—12 руб. Даромъ къ кажд. аппарату прилаг. руководство для пользованія. Высыл. почтой съ налож. платеж. За упаковку и пересылку въ ящикѣ набавляется 95 к., въ Западную Сибирь 1 р. 35 к., въ Восточную Сибирь—1 р. 75 к. Милліоны благодарностей со всѣхъ концовъ Россіи. Требов. адресовъ г. Лодзь, Торг. Домъ Льва Рубашкина. Ж. О. Важно: Ссылающіеся на это объявленіе получаютъ цѣнную премію.

ДАРОМЪ

Вы имѣете возможность получить и выучиться въ 2 мѣс., безъ всяк. постор. помощи хорошо писать и правильно бесѣдов. по-нѣм., фр., англ. и латыни, при помощи вышущен. дополнен. изд. самоучит. иностран. язык., уплативъ только за упаковку и перес. за экз. 1 экз.—90 к., 2-хъ экз.—1 р. 50 к., 3-хъ экз.—2 р. 20 к., всѣхъ четвѣр.—2 р. 60 к. Съ нал. плат. на 10 к. дорож. съ кажд. экз. (почт. такса). Милліоны благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Треб. адр.: ЛЬВУ РУБАШКИНУ, г. Лодзь.—Ж. О.

СЕЛЬСКО-ХОЗ. ПРИБАЛТ. ДВОРЯНСКИХЪ ИМѢНІЙ

Т-ВО „ПОМЪЩИКЪ“

ПРАВЛЕНІЕ и СКЛАДЪ: СПБ., Измайловск. пр., 18-а. Телеф. № 31-09.

ДОСТАВЛЯЕТЪ НА ДОМЪ — ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖЕЕ — СЪ ВЫСШЕЙ НОРМОЙ ПИТАТЕЛЬНОСТИ — ПОДЪ ВЕТЕРИНАРНО-ВРАЧЕБН. НАДЗОРОМЪ.

ЦѢЛЬНОЕ МОЛОКО около 4% жиров. вещес. по 10 к. бут.

ДѢТСКОЕ МОЛОКО по 12 к. за бут.

СТЕРИЛИЗОВ. МОЛОКО по 15 к. за 1/2 и 8 к. за 1/4 бут.

МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ лучшаго качества.

Собственные склады:

1) Екатеринбургск. пр., № 5, бл. Садовой. Телеф. 26—49.	7) П. Ст., Больш. пр., № 17, тел. 493-03.	13) Демидовъ пер., № 9.	20) Нарвскій пр., № 15, у Нарвск. вор.
2) Знаменская ул., № 43.	8) " " " № 92, тел. 527-47.	14) Разъѣзжая ул., № 17.	21) Петергофское шоссе, № 42, за Нарвск. застав.
3) Измайловскій пр., № 18.	9) " " бол. Зеленина, № 27.	15) Екатеринбургск. пр., № 12.	22) Шувалов. Елизавет. ул., № 8.
4) Суворовскій пр., № 34.	10) " " Каменноостр. пр., № 18—13, уг. бол. Ружейной.	16) Английскій пр., № 46.	23) Озерки, Оаерная, № 35.
5) Жуковск. ул., № 6, тел. 236-15.	11) Гороховая ул., № 13.	17) Бассейная ул., № 23.	24) Удѣльная, Скобелевск. пр., № 8.
6) В. О., Средн. пр., № 26, тел. 498-86.	12) Офицерская ул., № 22.	18) Налединская ул., № 23.	
		19) 4-я Рождественск. ул., № 25.	

ДОЛОЙ ТАБАКЪ!

И больше нѣтъ курящихъ и нюхающихъ; желающимъ бросить свѣрзную привычку совѣтъ бесплатно высылаю. П. Кожановъ. Москва, Переславна, д. О. Волкова, кв. № 1.

МУЖЧИНЫ и ДАМЫ ВНИМАНИЕ!!!

Если Вы хотите дешево и изяшно одѣваться, обратитесь къ намъ и получите почтой безъ задатка наложен. платеж. одинъ отрѣзъ на мужской костюмъ въ 4 1/4 арш. прочной, изящной матеріи „Английское трико“, а также отрѣзъ въ 8 арш. элегантн., моднаго шеюта для прекраснаго дамскаго костюма. Все это вмѣстѣ за 5 р. 50 к.; лучш. сортъ, особенно рекомендуемый нами 6 р. 50 к. Пересылка по почтовому тарифу. При выпискѣ 4 отрѣзъ перес. за нашъ счетъ. **Рисна нѣтъ.** Если не понрав. товаръ, мѣняемъ или возвращ. полностью деньги обратно. Адресов.: Лодзь, 2-а отд. Хем. ПЮРНО.

ПОЧТИ ДАРОМЪ!

За 5 р. 25 к. высыл. налож. плат. 2 костюма: „Английскій шевютъ“ прочн. и модн. шерст. матер. 2 арш. шир. 4 1/4 арш. для элегантн. мужскаго костюма и 8 арш. трико „Флориды“ для элегант. дамскаго костюма, самый лучшій сортъ 6 р. 25 к. За пересылку почтой присчитыв. 55 к. При выпискѣ 4 отрѣзъ перес. за нашъ счетъ. Если не понрав. возвращ. деньги. Адрес.: Лодзь 16, въ фабрику Т-ва „ПОВѢДА“, ящ. 295.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМЪ ПРОШЕНІЙ ВЪ

ШКОЛУ ШОФФЕРОВЪ

при Первыхъ Спб. Политехнич. Курс. Принимаются лица грамотныя, безъ физическихъ недостатковъ. Плата за весь курсъ съ практической ѣздой на автомобиляхъ — 125 рублей.

Организируются дневныя и вечернія группы.

Занятія съ новыми группами начинаются перваго числа каждого мѣсяца.

Въ МАСТЕРСКИХЪ и ГАРАЖЪ ШКОЛЫ производится ремонтъ автомобилей по доступнымъ цѣнамъ.

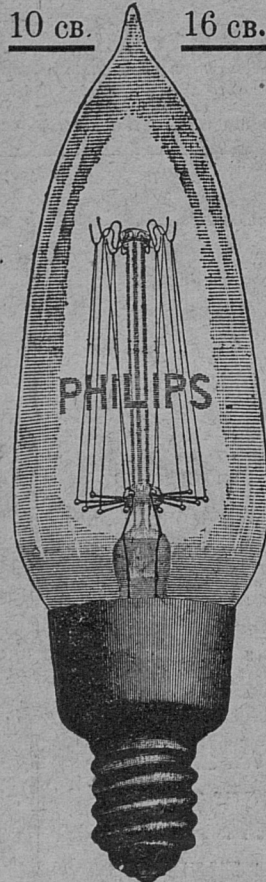
Спб., Б. Ружейная, № 36. Телефонъ 99—90.

ФИЛИПС

СВѢЧЕОБРАЗНАЯ

ЛАМПОЧКА.

10 св. 16 св. ЭЛЕГАНТНЫЙ КРАСИВЫЙ ФОРМАТЪ, ПОДХОДИТЪ НА ВСЯКУЮ АРМАТУРУ.

ПЕРВОКЛАССНАЯ ГОЛЛАНДСКАЯ МЕТАЛЛИЧ. ЛАМПА.

70% ЭКОНОМІЯ ТОКА.

Въ продажѣ во всѣхъ больш. э. электрическихъ складахъ.

100—120 ВОЛЬТЪ. НАТУРАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА.

Новая книга В. Маргеритъ „ПРОСТИТУТКА“

Романъ, перев. съ французск. около 500 стр. убор. текста. Книга для взрослыхъ читается съ захв. интерес. Цѣна съ перес. и налож. плат. 1 р. 75 коп.

„ДВУПОЛІЕ“

Цѣна 1 р. 50 к. пикантн. рассказы изъ парижской жизни. Съ требованіемъ обраб. въ книгоиздат. „СОЮЗЪ“. Спб. Ивановская, д. № 3 отд. 41. Книгопрод. обычная скидка.

ДАРОМЪ

высылаю каждому вновь вышедшую изъ печати очень интересную книгу: „ЛЮБОВЬ и БРАКЪ“. Пикантныя рассказы изъ брачной жизни. Книга эта выдержала во Франціи 25 изданій. За упаковку и перес. уплачивается заказчикъ 55 к. при получении. Требовія адресовать: ЛОДЗЬ № 50, Ш. РОЗЕНТАЛЮ.

ПИСТОЛЕТЪ „ПУГАЧЪ“

безопасный, дающій неизмѣрно страшно сильную выстрѣль. Необходимо каждому для самоохраны! Цѣна 1 р. 50 к. Патроны тройной силы 50 шт.—1 р. Иногородн. заказы выполняются при получении 1 руб. задатка, можно почтов. марками. ЛЕОНАРДИ Спб. Пассажд. 53, существ. съ 1867 г. и Невскій пр., 27.

ДАРОМЪ

высылаемъ каждому 15 очень интересныхъ для мужчинъ предметовъ. За упаковку и пересылку уплачивается заказчикъ 75 к. при получ. нал. плат. на 10 коп. дороже. Если предметъ почему либо окажется для заказчика неподходящимъ, то такковыя принимаются обратно и возвращаю уплаченные деньги за пересылку. Требов. адрес.: Г. ЛОДЗЬ, Т-ву „СЛАВА“, Ж. О.

ДАРОМЪ

высылаю каждому 15 очень интересныхъ предметовъ. За упаковку и пересылку уплачивается заказчикъ 75 к. при получении. Если предметъ окажется для заказчика неподходящимъ, то такковыя принимаются обратно и возвращаю уплаченные деньги за пересылку. Адресовать: Лодзь, А. КИВМАНУ.

КРАСКА для ВОЛОСЪ

изъ ОРѢХОВАГО ЭКСТРАКТА

придаетъ волосамъ, будь они сѣдые или рыжіе, въ скоромъ времени желаемый цвѣтъ отъ самаго свѣтлорусаго до чернаго и можно поэтому возобновить утраченный природный цвѣтъ ихъ. № 4711 Краска для волосъ изъ орѣховаго экстракта вполне заслуживаетъ предпочтенія передъ остми существующими красильными средствами для волосъ, такъ какъ она не содержитъ никакихъ вредныхъ веществъ.

ЦВѢТОВЪ:

ЧЕРНАГО, КОРИЧНЕВАГО, ШАТЕНЬ и СВѢТЛАГО.

ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ

Кольнъ и/Рейнѣ, отдѣл. въ Парѣ.

Продается въ аптекахъ, антикарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ Г. ЛѢСИНЪ

производитъ всѣ банковыя операціи и исполняетъ биржевыя порученія.

НЕВСКІЙ, 18 (уголъ Морской).

Для телеграммъ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЛѢСИНЪАНКЪ.